

РИЧАРД АРДЖЕНТ

РЫЦАРЬ ЗИТЫ

Захватывающее историческое фэнтези.
Отличный образец жанра!

Мастера фэнтези

Ричард Арджент

Рыцарь зимы

«Центрполиграф»

2010

Арджент Р.

Рыцарь зимы / Р. Арджент — «Центрполиграф»,
2010 — (Мастера фэнтези)

Еще в раннем детстве Эндрю из Крессинга прикоснулся к колдовству – чародей и его жена стали его крестными родителями. За это его не любили в деревне и дразнили ведьминым выкормышем. Однажды в лесу он встретил двух мертвецов, спорящих о том, кто перед кем больше виноват. Эти двое предсказали Эндрю, что он станет знаменитым воином и рыцарем ордена тамплиеров. Юноша знал, что это невозможно для человека низкого происхождения, но случаю было угодно, чтобы он спас прекрасную девушку, дочь рыцаря. В благодарность тот подарил Эндрю великолепные доспехи и представил его своему другу тамплиеру. Так Эндрю из Крессинга стал оруженосцем – и это был его первый шаг на пути к рыцарству...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ричард Арджент

Рыцарь зимы

Роман посвящается Тиму и Дэвиду Робинсонам.

Автор выражает признательность Виктору Тальмаджу за великолепную карту.

Часть первая

Глава 1

Мальчик Хорки

Все началось с тех пор, когда он встретился в лесу с двумя мертвецами. Несколько простых слов, слетевших с губ повешенного убийцы и его несчастной жертвы, изменили всю его жизнь. Вот ведь как бывает. Еще вчера ты – обычный парнишка, сын скромного кузнеца, которого дразнят и поколачивают другие мальчишки в деревне. А в следующий миг твой мир превращается в сияющий золотом дворец. А ты сам? Ты и сам становишься необыкновенным, взвалив на плечи многообещающие перспективы и предчувствуя великие деяния, ждущие впереди. Вот что пережил мальчик, исполнивший священный обряд Хорки, но осознал это позже, гораздо позже, спустя годы с того долгого дня, изменившего все его будущее.

В деревне стояли два огромных амбара, размером с четыре дома, соединенные вместе. Люди толпой двигались от одного к другому. В центре скопления деревенских жителей, рыцарей, монахов и оруженосцев стоял Эндрю, выбранный ими на роль мальчика Хорки.

Некоторые рыцари и монахи то и дело шутливо лохматили ему волосы, приговаривая:

– Отлично, парень, молодец, это был амбар с ячменем. Теперь пойдем к тому, что с пшеницей.

Другие мальчишки в деревне смотрели на него с яростью. Некоторые то и дело украдкой тыкали его в ребра или спину резко и больно. Они завидовали. Завидовали вниманию, которое Эндрю уделяли рыцари и монахи. Он не нравился сверстникам. Они никогда не любили его. Один парень чаще других наступал ему на пятки и пытался придавить к земле подошвы его сандалий, чтобы мальчик Хорки споткнулся и упал.

Эти юнцы злобно шипели ему на ухо, когда никто не смотрел на них, скрывая угрозы за шумом галдящей толпы.

– Мы до тебя доберемся, ведьмин выкормыш! Тебя сегодня ждет хорошая трепка! – тихо прорычал здоровый нескладный детина.

– Да, – добавил другой, обжигая ухо Эндрю жарким, зловонным дыханием. – Я с радостью заставлю тебя верещать, как недорезанная свинья!

Эндрю не обращал на обещания своих злейших врагов, ставшие с годами привычными, ни малейшего внимания. Он стряхивал их с себя, как воду, двигаясь ко второму амбару, столь же огромному, как первый. Однажды он им всем покажет. Когда-нибудь он уйдет из деревни Крессинг, добьется успеха, разбогатеет и покроет себя славой, а потом вернется и уничтожит их всех. Когда-нибудь...

– Ну же, поднимайся, мальчик, – прошептал ему на ухо монах.

Эти слова вырвали Эндрю из размышлений. Толпа стояла во втором амбаре. Толстые квадратные столбы уходили к высокому потолку, где перекрещивались с массивными балками и стропилами, поддерживающими крышу.

– О... да.

Он ловко взобрался по лесенке к самым стропилам. В правой руке Эндрю держал обрядовую ветвь, которую надлежало закрепить в высшей точке изнутри крыши.

Мальчик бросил взгляд вниз с головокружительной высоты. Монахи, жители деревни и рыцари-тамплиеры в белых облачениях с алыми крестами смотрели на него, запрокинув головы. Он различал бледные лица, на которых отражалось нетерпение, широко распахнутые в предвкушении глаза, приоткрытые рты. В центре огромного строения из толстых дубовых досок собралась целая толпа. В правой руке Эндрю держал небольшую зеленую дубовую ветвь. Он сосредоточился на том, чтобы крепче привязать символ процветания и урожая к одной из досок, из которых была сколочена крыша, уже совершив этот ритуал в большом амбаре, где хранился ячмень. Теперь мальчику Хорки предстояло сделать то же самое во втором из знаменитых амбаров деревни Крессинг.

Снизу донесся хор радостных возгласов.

– Отлично, парень! – крикнул один из крестоносцев.

Эндрю снова посмотрел вниз и улыбнулся, с наслаждением переживая свой момент славы. Он стоял на самой верхней балке амбара, на высоте, равнявшейся росту шести мужчин. От нее кружилась голова, словно он оказался среди облаков. Неожиданно в сердце шевельнулся страх. Эндрю крепче стиснул балку, и в руку вонзилась щепка, заставив его вздрогнуть и поморщиться. В этот миг он едва не упал, ухватившись за перекладину и удержавшись на ней в последний момент. Мальчик с бледным, нездоровым цветом лица ткнул в него пальцем и рассмеялся:

– Посмотрите на него! Ловок, как осел!

Рыцарь отвесил мальчишке звонкую затрещину.

– Тихо, глупец! – прорычал крестоносец. – Это священный обряд, а не игра!

Рыцарь-норманн, разумеется, был прав. Это древний священный обряд. Однако не христианский, как он ошибочно полагал, а один из древних англосаксонских языческих ритуалов, который пережил приход христианства, уничтожившего исконную веру, и теперь нашел себе место в новом календаре.

Мальчик потер затылок и с ненавистью уставился на Эндрю, возложив вину на него. Его дружки неприятно прищурились, что-то бормоча в поддержку товарища, получившего по голове. Эндрю знал, что потом его здорово поколотят. Он не пользовался популярностью среди деревенских парней. Они называли его «ведьминым выкормышем» и другими обидными прозвищами. По селению ходили слухи, что роды у его матери принимала ведьма в лесу во время зимних снежных бурь. На лодыжках у юноши остались темные следы от ведьминых ладоней, должно быть, старая карга схватила его за ноги, извлекая из чрева матери. Что еще хуже, между некоторыми пальцами на ногах у него были перепонки, увидев которые все уверились в том, что он – отродье демона. Другие дети в деревне издевались над ним и били, сколько Эндрю себя помнил.

А теперь, когда его выбрали мальчиком Хорки, паренька возненавидели и их родители. Всем, разумеется, хотелось, чтобы именно их ребенку оказали честь, разрешив привязать ветви Хорки к стропилам двух огромных амбаров. И никого, не считая его родителей да, возможно, отца Ноттиджа, которому Эндрю частенько помогал в саду, обнесенном стеной, не беспокоит, если другие мальчишки будут теперь колотить счастливчика до тех пор, пока он не лишится чувств. Тамплиеры считают, что парню подобает самому постоять за себя. Если он на это не способен, то, по их мнению, заслуживает побоев. Девушки будут безучастно смотреть и дразнить его, когда он, наконец, упадет на землю. На дворе стоял 1174 год от Рождества Христова, и

жестокость рассматривалась естественной частью жизни. Безжалостные люди обретали власть. Доброта считалась постыдной слабостью.

– Ну же, спускайся, сынок! – крикнул отец, жестом подзывая юношу. – Отцу Ноттиджу нужна твоя помощь.

С этими словами он двинулся к боковой двери в другой части амбара.

Отец юноши работал кузнецом на рыцарей-тамплиеров и дослужился до звания сервента. Но чаще всего он подковывал боевых коней и пони, тянущих повозки, а также тяжело-возов, на которых работали в полях. Родиться в Крессинге – не такая уж плохая доля. Орден тамплиеров невероятно богат. Хотя каждый рыцарь приносил клятву жить в бедности и скромности, их амбары всегда были полны зерна. Орден владел обширными землями, замками и особняками. Хотя сами по себе рыцари оставались бедны, как и подобало, но все вместе славились неистощимыми богатствами, коих хватало, чтобы давать ссуды принцам и королям.

– Не задерживайтесь дольше! Всех ждет работа.

Далеко внизу взрослые начали расходиться через распахнутые настежь огромные двери амбара. Один из рыцарей заметил:

– Будем молиться, чтобы урожай в следующем году был так же хорош, как в нынешнем.

Собственно, обряд с ветвью Хорки для того и нужен – заручиться помощью высших сил и получить такой же хороший урожай в следующем году. Теперь, когда мужчины и женщины стали христианами, древние боги и суеверия не исчезли бесследно. Фригг и Тор, Тив и Вотан – старые англосаксонские боги по-прежнему оставались частью деревенской жизни. Жители следили за тем, чтобы некоторые ритуалы, связанные с древними силами, сохранялись и соблюдались на всякий случай. Если вдруг скисало молоко, мать Эндрю винила в этом Робина Славного Парня, которого иногда еще называли Паком, а вовсе не падших ангелов. Если отцу случалось поскользнуться на замерзшей луже зимой, он проклинал Джека Мороза, а не Сатану и его приспешников. Вина на дьявола возлагалась в более серьезных случаях, вроде тяжелой болезни.

Несколько старших мальчиков остались в амбаре – они ждали, когда, наконец, Эндрю спустится с балок.

– Давай же, глухая тетеря! – прорычал Гарольд, юнец, которому рыцарь отвесил затрепину. – Слезай, а уж мы сполна тебя вознаградим за все.

Гарольд – сын мясника – был одним из всеобщих любимцев в деревне, несмотря на задиристый нрав. Высокий, симпатичный и крепкий паренек с искренней заразительной улыбкой. Его веселое приветствие всем поднимало настроение. Гарольд нравился девочкам. Другие мальчишки преклонялись перед ним. Взрослым пришлась по душе его готовность помочь в любом деле, если попросят соседи. Они прощали ему и задиристость, и приступы гнева, как правило направленные на одного-двух мальчишек, до которых никому не было дела. Гарольд не выносил Эндрю, потому что тот мог с легкостью обогнать его да к тому же умел плавать. На протяжении долгих лет сын мясника отравлял ему жизнь, задирая и избивая.

– Что, снова бросишь меня в пруд? – насмешливо поинтересовался Эндрю.

– Нет, раз уж ты научился этой дьявольской премудрости висеть в воде и не тонуть, – отозвался Гарольд. – Мы лучше бросим тебя на изгородь из боярышника, посмотрим, способен ли ты бегать по шипам.

Поскольку Эндрю часто оказывался в деревенском пруду или речке неподалеку, ему пришлось научиться плавать. Этого не умел ни один другой мальчишка, и все они считали его умение еще одним сомнительным подарком жены чародея, принявшей роды у его матери. Оставаться на поверхности воды без помощи доброй лодки – очень подозрительная способность, по крайней мере для невежественных простых жителей деревни, которым такой талант ни к чему. Даже взрослые с недоверием относились к тому, что Эндрю умел плавать.

– Пожалуй, я побуду здесь! – крикнул мальчик. – Если ты не против.

– Тогда я сам залезу наверх и стащу тебя.

– Хорошо бы. Тогда я мог бы сбросить тебя вниз. Думаешь, ты справишься со мной без помощи остальных?

Гарольд обдумал этот вызов, нахмурившись, и, наконец, решил, что он не настолько смел.

– Тогда я буду ждать тебя внизу, – пообещал он, скрестив руки на груди, всем своим видом выражая решительность.

В ответ на это Эндрю вытащил из кармана кусок хлеба, оседлал балку и приступил к еде.

– Как хочешь.

Довольно скоро, как он и надеялся, другим мальчишкам стал надоедать караул. Сначала они принялись бродить по амбару, потом по одному ушли. Гарольд пробыл немного дольше своих приятелей, по-прежнему кипя от злости из-за оплеухи, которой наградил его рыцарь, но и он тоже заерзал, направившись к выходу, велел девочке лет шести закричать, «когда этот спустится».

Беспризорница была совсем мелкой, в грязном засаленном фартуке, руки и ноги покрыты грязью, волосы заляпаны жиром. Как только Гарольд ушел, девочка, которую звали Имоген, прошла вперед по земляному полу, шаркая ногами. Она недавно выздоровела от эльфийской немочи, красные прыщи до сих пор не сошли с ее запачканной мордашки. Имоген посмотрела на Эндрю и произнесла:

– Если дашь мне фартинг, я ничего не сделаю.

– У меня нет фартинга.

– Может, тогда отдашь хлеб?

Эндрю, собравшийся было снова укусить булку, посмотрел на оставшийся кусок, который был размером с его ладонь. Мальчик вытянул руку и бросил хлеб на земляной пол. Имоген тут же подняла его и с жадностью вгрызлась в подсыхшую горбушку.

Эндрю настороженно спускался с балки, боясь, что девчонка, получив свое, не сдержит слова и позовет Гарольда.

– Я не буду кричать, – сказала она. – Сказала, значит, не буду.

– Спасибо.

Эндрю спрыгнул на пол и бросился к маленькой дверце в задней части амбара, намереваясь удрать в огороженный сад, за которым ухаживали монахи. Оказавшись по другую сторону стены, он будет в безопасности от происков мальчишек. Но к несчастью для Эндрю, те предвидели такое развитие событий и поджидали у входа в сад. Гарольд, увидев его, ухмыльнулся.

В спину Эндрю, тут же помчавшегося прочь, угодил камень, затем еще один. Двое мальчишек ждали, спрятавшись за деревьями. Когда сын кузнеца поравнялся с ними, они выскочили из засады с палками и принялись со смехом колотить его по лодыжкам. Мальчик знал, что нужно удержаться на ногах, иначе они накинута на него, как дикая свора.

– Как тебе это? – крикнул приземистый паренек по имени Картер, угодив Эндрю по колену. – Как тебе *эта* ветвь Хорки, а, ведьмин выкормыш?

Эндрю выбросил вперед кулак и угодил обидчику по губам; по подбородку Картера тут же потекла кровь. Он взвыл от боли и унижения. Но второй мальчик ударил Эндрю по плечам толстой палкой, и юноша на мгновение потерял равновесие и едва не упал, быстро выровнялся и помчался прочь от мальчишек. Остальные погнались за ним, швыряя камни ему в спину. К счастью, ни один не попал в цель.

Эндрю бежал к той части высокой стены, к которой склонялись ветви мушмулы. Подпрыгнув на ходу, он уцепился за сук и крепко сжал его. На мгновение юноше показалось, что пальцы вот-вот соскользнут, но он сумел удержаться. Быстро подтянувшись, Эндрю полез вверх и вскоре очутился на стене. Гарольд, наконец, догнал его и теперь стоял внизу, хватая ртом воздух и едва не рыча от ярости. Эндрю посмотрел на своего врага, походившего на надоедливую собаку, которым, по сути, тот и являлся.

– Не сегодня, трус, – бросил он, обращаясь к Гарольду. – Попробуй-ка счастья завтра, тупоголовое бревно.

С этими словами он спрыгнул в сад и принялся потирать многочисленные синяки, проклинаая тех, кто превратил его жизнь в ад.

Наконец он огляделся.

Здесь, как всегда, был отец Ноттидж.

Худой, вечно рассеянный монах отвечал за сад с клумбами с травами, овощными грядками и фруктовыми деревьями. Неподалеку виднелся маленький пруд, где водилась рыба, и лабиринт, в центр которого нередко отправлялись рыцари, чтобы помолиться и поразмышлять в тишине у источника, единственного в Англии с бронзовой статуей Зеленой женщины. Три остальных, как обычно, украшали Зеленые мужчины. Деревенские дети верили, что по ночам голова Зеленой женщины оживает. Говорили, будто она выходит из сада и отправляется на поиски тех, кто спит, не полностью укрывшись одеялом, а найдя, впивается в белую плоть крепкими острыми зубами.

Как только Эндрю оказался за стенами сада, его окутали ароматы трав и цветов, словно невидимым покрывалом безмятежности. Он глубоко вздохнул. Здесь, в саду, царил покой, который больше нигде нельзя было обрести, даже в церкви. Эндрю снова вдохнул травяные ароматы, наполнившие грудь. Казалось, они очищают кровь и душу. Осеннее разноцветье радовало глаз. Земля готовилась к зимнему сну.

Добрый монах стоял поодаль у айвы. Эндрю направился к нему:

– Здравствуй, святой отец.

Отец Ноттидж побледнел и подпрыгнул, прижав руку к бешено бьющемуся сердцу.

– Ох ты господи, откуда ты взялся, Эндрю?

– Перелез через стену возле мушмулы.

– Вот как? А я тебя не видел. Значит, ты хорошо лазаешь.

На самом деле добрый монах был почти глух. Он покосился на мушмулу, словно не до конца поверив мальчику, а затем повернулся обратно.

– Как бы то ни было, ты здесь и в добром здравии, как я вижу. Забудем о твоём неожиданном явлении народу. Ты не поможешь мне собрать кое-какие полезные в хозяйстве травы?

Эндрю предпочел не обращать внимания на намек, что он появился словно из-под земли или с помощью колдовства. Он знал, что даже монахи верили, будто он отмечен ведьмой. Если святой отец предпочитал считать, что Эндрю обладает сверхъестественной способностью становиться невидимым, пусть остается при своём мнении. В конце концов, после стольких лет яростные отрицания только усугубят проблему. Куда проще не обращать внимания на слова монаха и вести себя так, словно в них не было затаённого обвинения в колдовстве.

– Да, святой отец, поэтому я сюда и пришел. Какие травы нужны?

– Так... Для начала трава, отпугивающая мух. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Вербейник обыкновенный, отче.

– Молодец. И полынь – приправить эль. Еще душистый ясенник, коровяк для фитилей, болотная мята – положить в постель настоятеля, он очень любит этот запах. Да, и немного касатика – починить стулья...

Список нужных трав оказался длинным, включив в себя левкой, ароматную гвоздику, гвоздику обыкновенную, листовую свеклу, анютины глазки, вербену и марь. Эндрю любил работать в саду и собирать травы. Ему нравилось все – названия растений, их пряные запахи и различные способы применения. Важнее всего, разумеется, девять священных растений: крапива, полынь, подорожник, ромашка, фенхель, сердечник, дикая яблоня, купырь и синяк.

Здесь все было совсем не так, как в кузнице, где Эндрю часто помогал отцу. Там тяжелый основательный труд, приходится бить по раскаленному добела металлу, осыпая темные углы яркими искрами. В воздухе вечно запах паленого. Нельзя сказать, чтобы он был совсем уж

непереносимый, но и особой радости не доставляет. Эндрю отвечал за меха с роговыми рукоятками, раздувал жаркое пламя в очаге. Иногда отец разрешал ему пробивать дырки в подковах, но к лошадям не подпускал – это была задача самого кузнеца. Эндрю всю жизнь провел слушая звонкие удары молота по наковальне – они поднимали его с постели поутру, под них он засыпал вечером, когда отец переделывал старые подковы в пастушьи крюки или втулки для колес, а иногда даже в головки топора – словом, в то, что могло принести семье доход.

Остаток дня Эндрю проработал в саду, обнесенном стеной, вместе с отцом Ноттиджем, и, наконец, пришла пора возвращаться в хижину к родителям. Мать наверняка уже извелась, гадая, куда он запропастился, и юноша почувствовал угрызения совести. Он должен еще сходить к колодцу за водой и принести дров для очага. Эндрю попрощался с монахом и перелез через стену, опасаясь, что деревенские задиры поджидают его у входа в сад. Затем прокрался мимо конюшни и монастыря, где сновали рыцари – одни по делу, другие в праздности. От оплота храмовников до деревни было далеко, но Эндрю без приключений добрался до дома.

– За водой, – скомандовала мать, стоило сыну ступить на порог. – А потом – дрова, если соблаговолишь, мальчик Хорки!

В ее голосе отчетливо слышалась гордость. Быть избранным мальчиком Хорки – великая честь. И рыцари нередко подсовывали счастливчику пару монет на удачу, если им случалось узнать его при встрече. Эндрю решил показаться в деревне завтра, чтобы извлечь всю возможную выгоду из свалившейся на него удачи. Этим, конечно, он снова бросит вызов местным драчунам, но, возможно, игра стоит свеч.

– Да, мама.

Он взял деревянную бадью и помчался бегом к колодцу, наполнил ее за несколько минут и поспешно вернулся в дом. Схватив кусок хлеба со стола, у которого готовила ужин мать, Эндрю направился в лес. Над головой по быстро темнеющему небу плыли мрачные, зловещие тучи. Поговаривали, будто Фригт гоняет их по небесам березовой метлой. Эндрю не рискнул слишком долго глядеть вверх, опасаясь ненароком увидеть богиню. Это принесло бы ему неудачу и наверняка навлекло бы беду на всех домашних. По той же причине мальчик старательно отгонял мысли о лесных духах, потому что самый верный способ заставить их появиться – постоянно вспоминать о них. Если слишком увлечься такими думами, духи и эльфы выбегут из крысиных и кроличьих нор и унесут в свои владения, а если сопротивляться, то еще и укусят острыми ядовитыми зубками.

У кромки леса было предостаточно сухостоя, и вскоре Эндрю набрал целую охапку хвороста. Однако, повернув к деревне, увидел, что путь ему перегородили следовавшие за ним по дороге деревенские мальчишки во главе с Гарольдом. Одни держали дубины, другие подбрасывали камни. Эндрю сразу понял, что в их сердцах гнездится только жестокость, они явно собирались избить его до бесчувствия. Это однажды уже случилось, и Эндрю потом долго пролежал в постели. Некоторые надеялись, что он уже не поправится. Многие желали ему смерти. Возможно, монахи впоследствии были бы недовольны, особенно отец Ноттидж, но большинство крестьян в деревне относились к Эндрю с тем же недоверием, что и их дети, и никто бы не был наказан.

– Чего вам? – крикнул он мальчишкам. – Я должен здесь встретиться кое с кем – с одним из рыцарей...

– Врешь! – бросил в ответ Гарольд, его глупое лицо исказилось от ненависти. – Сплошное вранье ведьминог отродья! Пора отправить тебя обратно к дьяволу, где тебе самое место, гнойный прыщ. Никто не поможет тебе на этот раз. Ты будешь...

Гарольд замолчал на полуслове, его ноги подкосились, и он упал на землю. По рассеченному лбу потекла кровь. Эндрю бросил хворост, молниеносно схватил с земли камень и изо всех сил метнул его в обидчика. Тот ударил сына мясника прямо в лоб. Парень покачнулся и

мешком рухнул на землю. Друзья Гарольда замерли на месте от внезапности нападения, однако вскоре они оправились и с громкими воплями бросились на Эндрю, размахивая дубинами.

Не исключено, они бы догнали его и забили до бесчувствия, возможно, до смерти, если бы не произошло нечто совсем уж неожиданное. По воздуху скользнула странная белесая тень, беззвучно пронесшаяся между Эндрю и забияками. Они увидели жуткое белое лицо, и раздался громкий крик. Деревенские мальчишки в ужасе бросились наутек, да Эндрю и сам отскочил прочь от страха. Затем они все лучше разглядели странное существо – им оказалась обычная сова, полетевшая прочь над лугом.

– Ведьмин выкормыш! – с ненавистью бросили мальчишки.

На сей раз Эндрю их не винил. Ему и самому показалось, что происшедшее смахивает на темную магию, словно он призвал птицу себе на помощь. Уже не впервые пернатые хищники как будто сами приходили ему на выручку. Раз или два его спасали от беды пустельга и ястреб, словно призванные или присланные кем-то.

В Эндрю снова полетели камни, он развернулся и рванулся прочь, в темную чашу леса. Снаряды мальчишек глухо стучали по стволам деревьев.

Задиры недолго гнались за ним, быстро повернув обратно к деревне. Эндрю знал, что так будет. За лесом простирались топи и болота, где жили отвратительные чудовища, охочие до человеческой крови, твари, питавшиеся детьми и разрывавшие взрослых на части. Эти жуткие создания иногда выходили из болот и забредали в лес. Нынешний месяц назывался «луной охотника» по старому саксонскому календарю, и в это время голодные духи бродили по земле. Призраки чуяли свежую кровь, и Гарольд ни за что не осмелился бы войти в лес с только что полученной раной.

Эндрю упрямо шел дальше – на тот случай, если среди трусоватых мальчишек, оставшихся у окраины леса, найдется парочка храбрецов. В сгустившихся сумерках деревья казались черными и враждебными. Они еще не лишились величественных крон, не пропускавших к земле ни лучика. Крапива и ежевика цеплялись за ноги, жаля и царапая. Как и все его ровесники, Эндрю носил только простую тунику и ходил босиком, с голыми ногами. Но его физические страдания сейчас заглушались душевными. Эндрю признался себе, что боится. Никто в здравом уме не сунулся бы в лес после захода солнца.

Чуть позже взошла луна, и сквозь ветви полился серебряный свет. Его хватало, чтобы различить тропинку, ведущую к бревну на небольшой полянке. Эндрю направился туда и сел, погруженный в мрачные размышления. Мальчишки – да и некоторые девчонки – ни за что не оставят его в покое. Ему судьбой предназначено сносить побои и оскорбления, если он вернется в деревню. Но что ему оставалось? Идти некуда. Мир за пределами Крессинга был для него одной большой тайной. Мальчик, конечно, слышал о великом городе Лондоне и о Челмсфорде, расположенном ближе к их деревне, но как до них добраться? Он почти ничего не умел, если не считать небольших познаний в травах и ремесле отца. Конечно, кузнецы везде нужны, но уйдет немало лет на то, чтобы научиться делать полезные вещи из раскаленного железа. Можно попробовать наняться в помощники к другому кузнецу, но чаще всего ремесленники брали в подмастерья сыновей, которым потом передавали дело, и не нуждались в работнике со стороны.

– Я остаюсь в этой глухой деревне! – крикнул он во все горло. Голос прозвучал неожиданно чисто и громко даже в лесу, среди могучих стволов деревьев. – Мне нужно уйти отсюда, выбраться в огромный мир, где можно попробовать попытать счастья!

Внезапно поднялся холодный ветер, словно вызванный этой вспышкой отчаяния. Он пронесся по лесу, вспарывая кроны деревьев, и обдал стужей тело мальчика. Эндрю обхватил себя руками, гадая, откуда вдруг появился ветер и почему он пронизывает его до костей. Луна в небесах скрылась за облаком – не исчезла, разумеется, но свет ее стал более тусклым и рассеянным. Уханье совы, доносившееся издалека, стихло, как и холодный, кашляющий лай лисы.

Все вдруг замерло, и даже невесть откуда взявшийся ветер не шевелил больше листву на деревьях. А затем Эндрю услышал странный звук, словно дикий кабан пробирался через кусты.

– Что это? – встревожившись, крикнул он. – Кто здесь?

В этот миг он различил два силуэта, решительно продвигавшихся по лесу в причудливых переплетениях тьмы и лунного света. Эндрю хотел броситься прочь, но ноги словно приросли к земле, дыхание участилось, когда две тени выбрались на поляну. Он узнал их без труда. Один – убийца, которого не так давно повесили, а второй – его жертва. Неупокойники негромко спорили друг с другом о чем-то, яростно жестикулируя на ходу, направляясь к тому самому бревну, с которого только что вскочил мальчик.

– Говорю тебе, – сердито пробубнил сторбленный убийца, – я не могу тебя простить. Ты дурно обошелся со мной при жизни и заслужил то, что получил.

Жертва, высокий, худой детина, указал на отвратительный раскол в черепе, оставленный топором убийцы:

– Этого никто не заслуживает. Может, я тебя и обманул. Да точно, я тебя обманул, но ты не один пострадал. Я одинаково обманул многих.

Убийца был крепкого сложения, дородный, с горбом на плечах. Его голова все время клонилась вперед, словно шея не выдерживала ее веса. От шеи до живота тянулась огромная рваная рана, и лохмотья кожи кое-как прикрывали зияющую дыру, которую совсем недавно заполняли потроха. Глаз в голове не осталось, губы расползлись, обнажив кости и длинные желтые зубы, торчащие из десен, блестящих от слюны.

Эндрю вспомнил, что горбун был фермером, который арендовал большой надел и нанял детину, как временного рабочего, чтобы тот помог собрать уродившееся зерно. Он заплатил ему по весу урожая, а потом, опустошая мешки, обнаружил, что работник подложил на дно камни. Негодующий фермер попытался вернуть свои деньги, но обнаружил, что тот уже пропил их вместе с приятелями. Тогда взбешенный горбун схватил топор и раскроил голову обманщику, свалив его как скотину, выращенную на убой. Собутельники бывшего работника, желая отомстить за смерть товарища, отправились к местному барону, и он, ярый сторонник повешений, удовлетворил их притязания, отправив горбуна на виселицу.

Но убийца не соглашался с доводами жертвы:

– Тогда ты вполне заслужил добрую дюжину ударов топором по голове. Зачем же мне сожалеть о поступке, который, по моему убеждению, был полностью оправданным?

– Затем, дубина ты, что сам барон признал тебя виновным в убийстве и приказал повесить. Убийство – страшный, чудовищный грех, это дурное, нехристианское дело, идущее к тому же против законов страны. Как можно оправдать?..

Эндрю с ужасом наблюдал за мертвецами. Он был до того перепуган, что даже дышал с трудом, но, к его чести, не вскочил с места и не бросился прочь. В нем пробудилось любопытство, которое не раз уже доводило мальчишку до беды, хотя и позволяло ему узнать нечто полезное и интересное.

Эндрю знал, что мертвецы порой ходят по земле. Собственно, об этом все знали, но столь отталкивающего зрелища он до сих пор не видел. Два разлагающихся существа, застрявшие между мирами. Одно – а может, оба – заслуживали того, чтобы гореть в аду. В лунном свете можно было без труда разглядеть гниющую плоть, скользкую и рыхлую, уже сползавшую с костей и мелкими ошметками падавшую на землю. Эндрю сидел неподвижно, надеясь, что мертвецы его не заметят, однако оба трупа повернулись в его сторону, и убийца обратился к нему скорбным голосом:

– О, не пристало нам ссориться перед живыми. Здесь один из местных простофиль. Присядем и побеседуем.

И они опустились по обе стороны от Эндрю, двигаясь скованно и неловко.

– Что вам от меня нужно? – спросил Эндрю. К своей досаде, он почувствовал, что дрожит всем телом. Вонь разложения била в нос, вызывая тошноту и головокружение. – Вы пришли, чтобы забрать меня с собой?

– Да нет, парень, – пустым, лишенным эмоций голосом откликнулся детина, словно говорил из глубокого колодца. – Нас прислал с посланием кое-кто, высоко ценящий твою жизнь и благополучие. Мы пришли сказать тебе то, что ты, возможно, и сам хочешь узнать. Нам ведомо твое будущее, парень, поскольку мы не принадлежим к твоему миру, но смотрим на него, так сказать, из другого. Когда ты вошел в лес, мы почувствовали твою печаль, она проникла в наши навек проклятые души и потекла жаркой волной по пустым венам. Мы чувствуем твою боль и готовы предложить исцеление.

– Знай, – продолжил убийца, повернув темное, гниющее лицо к Эндрю, – однажды ты станешь известным рыцарем, тамплиером, который прославится в битвах на Святой земле. Так что брось жалеть себя, твоя горечь обжигает огнем жалкие останки нашей брэнной плоти. Жжет, парень, жжет. Теперь мы, пожалуй, оставим тебя в компании с совами и лисами, а сами пойдем дальше. Джосайя Бункарт, ты, жалкое подобие приличного покойника, – убийца поднялся с бревна одновременно со своей жертвой, и они двинулись дальше, к переплетению теней на краю поляны, – позволь-ка сказать тебе еще раз, ясно и четко: я не могу и не стану каяться. Объявил барон меня виновным, не объявил – я всем сердцем, точнее, тем местом, где оно когда-то было, пока его не склевали вороны, чувствую, что я прав во всем.

– Постой! – вскрикнул вдруг убитый, когда мертвецы дошли до края поляны и, внезапно остановившись, повернулся к убийце, а затем указал на Эндрю: – Мы должны были рассказать мальчику *тайну*.

– Да нет же. Напротив, нам строго-настрого *запретили* рассказывать мальчику тайну. Если помнишь, Джосайя, нам было велено держать рот на замке.

– Да разве?

– Точно. Ты что, не помнишь слова: «Запечатайте мертвые уста, чтобы с них не сорвалась тайна»? Я удивлен, что они вылетели у тебя из головы, Джосайя, искренне удивлен. Похоже, с тех пор, как ты умер, память начала тебя подводить все чаще. У тебя и при жизни-то голова была не очень, а теперь и вовсе дырявая, как решето.

– Я же не просто умер, меня убили, причем ужасным образом! Конечно, такое событие не могло не сказаться на памяти...

– Какая еще тайна?! – воскликнул Эндрю, прерывая их спор. – Есть что-то еще, о чем мне нужно узнать?

– Что до этого, – отозвался убийца, – может, тебе и *нужно* знать об этом, но должны ли мы рассказывать?.. Ответ на этот вопрос – нет. Это в нашу задачу не входит. Прощай.

И двое мертвецов растворились в темноте.

Как только поляна опустела, сердце Эндрю начало замедлять свой бешеный бег и постепенно вернулось к нормальному ритму. Повстречать неупокойников – ужас-то какой! Но они передали ему послание. Он станет рыцарем! Возможно ли это? Эндрю всего лишь сын деревенского кузнеца. Чтобы стать одним из рыцарей королевства, нужно принадлежать к благородному роду, верно? Если бы мертвецы сказали, будто он станет принцем, Эндрю ни за что не поверил бы им. Какое чудесное пророчество, если, конечно, оно исполнится. За единое мгновение изменилась вся его жизнь. Теперь в конце долгого темного пути появился яркий свет, сменивший серость и мрак. Когда он станет знаменитым рыцарем, разумеется, вернется и отомстит за свои обиды тем, кто изводил его в юности. Они будут страдать так же, как он, – нет, даже хуже! Они пожалеют, что вообще появились на свет!

С другой стороны, о какой тайне толковали мертвецы? Может, это ключ к богатству? Или бессмертию? Наверняка речь шла о чем-то полезном и ценном. Или, наоборот, о какой-то беде, о том, чего нужно опасаться и по возможности избегать? Эндрю знал, что не получит ответа –

неупокойники давно ушли. Интересно, кто послал сюда эту жуткую парочку? Явились ли они по просьбе жены колдуна? Или какого-нибудь ангела? Или демона? Возможно, об этом Эндрю тоже никогда не узнает. Тайна, тайна... Что бы это могло быть? А впрочем, чего беспокоиться? Глупо думать теперь об этом. В будущем его ждет еще много тайн, разве не так? Смерть – тоже тайна. Вокруг сотни и тысячи секретов, многие из которых никогда не раскроются...

Главное – пророчество.

Однажды он станет рыцарем.

Эндрю сидел в лесу, пока не начало светать, а потом пустился в обратный путь, к деревне, по покрытой росой траве. Он направился напрямик в келью отца Ноттиджа и осторожно разбудил его. Добрый монах по-прежнему был в грязной рясе, которую не снимал ни днем ни ночью. Пробудившись, он вскрикнул:

– Что? Кто здесь? Зачем?

– Это я, отец, – прошептал Эндрю. – Я пришел попрощаться.

Отец Ноттидж сел и потер щеки, заросшие щетиной.

– Ты уходишь отсюда? Это мудрое решение, мальчик.

– Почему, святой отец?

– Они жаждут твоей крови. Говорят, ты ударил мальчика камнем. Ты проломил ему голову, и теперь он стал дурачком, который говорит загадками.

– Он поправится, отец? – вздохнул Эндрю.

– Полагаю, что да.

– Я действительно ударил его, святой отец, но он это заслужил. Они хотели меня убить, я в этом уверен. Их было не менее двадцати человек, и все с палками и дубинками. Я защищался.

– Я слышал другое. Будто бы мальчик шел один, собираясь порыбачить в пруду, когда ты без причин напал на него.

– Они лгут! – с яростью воскликнул Эндрю. – Они снова бессовестно лгут!

– Как бы то ни было, ты сказал, что уходишь. Но что ты будешь делать, Эндрю?

– Я должен стать рыцарем, – гордо отозвался мальчик. – Мне сказали об этом двое мертвецов.

Монах выпрямился и посуровел.

– Будь осторожнее, мальчик, не стоит богохульствовать.

– Но это правда, святой отец! Я говорил с убийцей и его жертвой. Они бродят по лесу, споря, кто из них прав, а кто виноват.

– А имена этих неупокоенных душ?

Эндрю назвал их.

Монах кивнул, почесывая укусы блох, покрывавшие его живот и спину.

– Та-ак, – протянул он, – их тела нужно будет извлечь из земли. Есть лишь одно средство умиротворить неупокойников, которые бродят, не в силах разрешить свои земные споры. Нужно отрубить им головы и похоронить заново, положив черепа между ног. Это верное средство от таких недобрых деяний. На церковном кладбище, разумеется, будет похоронен лишь один мертвец. Второго не след закапывать на освященной земле, он ведь убийца. Я спрошу барона, где были преданы земле его бранные останки. Но ты, юный Эндрю, хочешь стать рыцарем? Боюсь, это невозможно. У тебя кровь не того цвета для столь гордого титула.

– Но они сказали...

– Забудь о том, что тебе сказали слуги дьявола, мальчик мой. Как можно верить убийце и жулику? Не обманывай себя, надеясь на исполнение немыслимого. Тебя ждет одно лишь разочарование. К сожалению, будучи столь низкого происхождения, ты не стоишь и свиного пузыря.

– Да, отец, – смиренно отозвался Эндрю, решив про себя, что глуп не он, а священник. Юноша теперь был уверен, что ему предначертано прославиться. – Мне нужно идти. Прошу

тебя, поговори с моими отцом и матерью, скажи, пусть не волнуются, я непременно найду работу и однажды вернусь. Я не знаю пока, куда направляюсь, но Господь позаботится обо мне и ниспошлет свою милость, верно, отец?

– О, – пробормотал монах, улегшись на спину и снова закрыв глаза. – Я бы не стал на это надеяться, мальчик. Господь не столь милостив, что бы ни говорили тебе монахи вроде меня. Я видел, как нищие умирали от голода, ревностно молясь у алтарей в великих храмах, видел, как женщины погибали от жажды, обхватив руками святой крест с образом Спасителя нашего Иисуса Христа.

– Спасибо, отец, ты меня совершенно успокоил, – не без сарказма произнес Эндрю.

– Не за что, мальчик мой. Нет смысла уходить в большой мир, питая бесплодные надежды. Полагайся только на свой здравый смысл и крепкие руки, да постарайся не воровать, даже если голоден.

– Да, святой отец. Прощай.

Но добрый отец Ноттидж уже крепко спал.

Глава 2

Актеры

Эндрю двинулся в путь, оставив позади своих родителей и двух сестер. На сердце у него было тяжело. Юноша не знал, куда идти и что делать, когда он, наконец, определится с направлением. Казалось вполне здравым в таком случае идти по утоптанной дороге и надеяться, что удача приведет его куда нужно. В тот день он разминулся с несколькими рыцарями и их слугами, и пешими и всадниками. Они не обратили на юношу ни малейшего внимания. С тем же успехом он мог бы стать невидимкой. Он миновал пару деревень, но их жители смотрели на него с недоверием и подозрением, сразу поняв по простой тунике, что перед ними обычный крестьянин, а те обычно не бродили вот так по дорогам. Крепостные находились под властью хозяина, а свободные – привязанные к своим наделам.

Пройдя пять миль, Эндрю набрел на хижину, точнее, на жалкий навес. Снаружи на толстом полене вместо стула сидела женщина, когда-то жившая в Крессинге. Ее выгнал из дома собственный муж-пекарь, а из деревни – местные, швыряя вслед камни и палки. Эндрю сразу почувствовал, что у него с этой несчастной есть что-то общее, поскольку он тоже фактически стал изгнанником. Женщину звали Руфь, а ее преступление заключалось в том, что она дала жизнь двойняшкам.

Руфь состарилась, ее лицо избородили ранние морщины. Худая, измученная, облаченная в одеяние, когда-то бывшее старым мешком из-под муки, и потертую шаль, она мешала ложкой содержимое котелка, стоявшего над очагом. Похоже, в нем был только картофельный бульон.

– Здравствуй, госпожа, – вежливо произнес Эндрю.

Она подняла глаза, лишённые всякого выражения.

– Что? Ты Эндрю, сын кузнеца? Они прислали тебя, чтобы и дальше мучить меня?

– Нет, госпожа. Я сбежал оттуда.

– Тогда беги со всех ног, мальчик, потому что от них ты не дождешься милосердия, – посоветовала она, кивнув в сторону деревни.

– Я сожалею о твоём несчастье, – произнес Эндрю.

Прибавить ему было нечего, поэтому он пошел дальше.

Положение этой женщины опечалило его, хотя, признаться честно, он ни разу не вспомнил о ней за все время, что прожил в Крессинге. Прошел всего год с тех пор, как Руфь родила двойняшек. Обоих, разумеется, убили на месте – все знали, что один из пары всегда зачат дьяволом. Поскольку установить, в кого из двоих вселилось зло, невозможно, куда безопаснее убить обоих. А женщина, давшая им жизнь, обвинялась в сговоре с самим Сатаной – как иначе она смогла бы произвести на свет таких тварей? Поэтому муж и соседи считали вполне оправданным изгнание грешницы из ее собственного дома.

К полудню Эндрю ощутил голод и осторожно перелез через изгородь, чтобы стащить репку с поля. Если бы его поймал хозяин, то повесил бы тут же на ближайшем дереве или дорожном столбе. Однако мальчику посчастливилось – он выбрался с чужого огорода без приключений и тут же сгрыз добычу. К вечеру к нему присоединился человек средних лет по имени Джейк, облаченный в потрёпанные лохмотья, некогда бывшие костюмом из хорошей ткани, худой мужчина с хитрыми бегающими глазами, взгляд которых невозможно было поймать. Станный тип всегда смотрел куда-то в сторону, словно приметил что-то на земле.

– Мы с тобой могли бы идти вместе, к взаимной выгоде, – шмыгая носом, предложил Джейк, когда они устроились на ночлег в канаве неподалеку от дороги. – Мы могли бы защищать друг друга. – Он набил грязную зеленую шляпу землей и выдранной травой и утрамбовал месиво кулаком, превратив головной убор в подобие подушки.

– А зачем нам это может понадобиться? – спросил Эндрю.

– Чтобы никто не вздумал с нами шутки шутить. Можно защититься от тех, кто попробует нам навредить.

– И кто бы это мог быть? Кому понадобится нам вредить?

– Да любому, кому мы придемся не по нутру, – раздраженно отозвался Джейк. – Ну, вот слушай, – пояснил он, – скажем, кто-то захочет тебя ограбить, а рядом буду я и помешаю ему, так?

– У меня нечего красть.

Джейк, опустивший было голову на набитую землей шляпу, снова подскочил, явно расстроенный этой новостью.

– Что, совсем нечего? – недоверчиво нахмурился он.

– Ни одного пенни, ни крошки хлеба. Ничего.

– Вот как? – Его новый спутник поразмыслил немного, но быстро пришел к какому-то выводу. – Это нас с тобой роднит, хотя бы потому, что у меня в кошеле тоже пусто. Мы с тобой прямо закадычные друзья, ты да я. Нужно вместе идти искать счастья.

– А у тебя есть что-нибудь поесть? – спросил Эндрю. – Если мы закадычные друзья, значит, должны делиться едой.

– А у тебя что есть? – спросил Джейк.

– Ничего.

– Что, совсем ничего?

– Совсем ничего.

– Тогда и у меня ничего.

Но позже, когда стемнело, Эндрю услышал тихое чавканье и ощутил запах яблока.

– А можно и мне кусочек? – спросил он.

– Чего? – рявкнул Джейк.

– Яблока.

– Ах, это... – донесся до него беззаботный ответ. – Да это крыса нашла дичку, знаешь ли. Я тут ни при чем.

Эндрю сразу понял, что его случайный попутчик лжет, но мудро решил не спорить. Среди ночи он вдруг ощутил на лице зловонное дыхание склонившегося над ним человека. Грубые руки быстро исследовали карман спереди на тунике. Осторожно приоткрыв один глаз, Эндрю различил блеск луны на маленьком ноже, занесенном над ним. Юноша поспешно закрыл глаз и притворился спящим, испугавшись, что если вор заподозрит неладное, то просто перережет ему горло. Через некоторое время раздалось сердитое ворчание несостоявшегося грабителя, убедившегося, что с мальчишки нечего взять, и Эндрю оставили в покое. Но снова засыпать он не стал, тихо лежал в темноте, а когда услышал храп, осторожно поднялся и двинулся в путь, стараясь уйти как можно дальше от нежеланного спутника.

Но Джейк нагнал его ближе к полудню.

– Это было не слишком по-дружески, мальчик! – прорычал Джейк. – Вот так взять и уйти, ни спасибо, ни до свидания.

Эндрю понял, что нужно защитить себя, иначе он никогда не избавится от компании этого мерзавца. Он шагнул в сторону и подобрал с обочины тяжелый камень.

– Отстань от меня, – твердо произнес он, – иначе я раскрою тебе голову.

Джейк тут же отскочил от него.

– Эй, нет нужды так... Я всего лишь одинокий путник, которому не мешает товарищ.

– Ищи его в другом месте! – Эндрю знал, что он куда больше и сильнее этого тощего хитрого подлеца, несмотря на свой юный возраст. – Можешь не сомневаться, я раскрою тебе череп этим камнем, негодяй. Я и на дорогу вышел только потому, что проломил голову другому

мальчишке. И с радостью проделаю это с тобой, если не оставишь меня в покое. Так что хватит болтать, проваливай.

– Но... – Джейк начал было возражать, однако, взглянув Эндрю в глаза, прочел в них решимость и благоразумно пустился прочь по дороге. – Ты еще свое получишь, уж я об этом позабочусь! – крикнул он, оказавшись на безопасном расстоянии. – Подожди-подожди, мальчишка. Ты от меня так легко не избавишься.

Эндрю бросил камень, который едва не угодил Джейку в висок. Ноги бродяги вдруг обрели невиданную живость, он бросился прочь и вскоре скрылся из виду. Эндрю пошел дальше ровным шагом, надеясь, что его «товарищ» будет мчаться вприпрыжку до ближайшего города. Он решил миновать следующую деревню без остановки, на тот случай, если Джейк решит подстеречь его там и заманить в ловушку. Хотя с какой стати ему мог понадобиться нищий юнец, было за пределами понимания Эндрю. Чего Джейк мог добиться? Разве только злодеяния приносили ему удовольствие...

– Что ж, если он решил сделать меня своим врагом, – пробормотал Эндрю, – он быстро об этом пожалеет.

К полудню мальчика снова начал терзать мучительный голод. На полях, мимо которых он шел, овощи не росли – это были обычные пастбища для скота и овец. Он постучал было в дверь небольшой хижины, но выскочившая на порог женщина с руганью прогнала его, едва не угодив ему в голову кочергой. Эндрю начал присматриваться к птицам, снующим по изгороди, решив, что их вполне можно съесть сырыми, главное – поймать. Он увидел лису, схватившую голубя зубами, но пытаться ее изловить и вырвать добычу смысла не было. Несколько диких слив только усилили его страдания – они оказались кислыми, вяжущими, во рту сразу же пересохло. Позже он напился из пруда, и его тут же стошнило.

Однажды он набрел на тело человека, лежащее в каменистом овраге. Он лежал явно не первый день – плоть успела сгнить на костях. Трупом успели угоститься вороны и другая живность. Никому и в голову не пришло возиться с похоронами. Таков мир за пределами деревни. Пока ты живешь в сообществе, пусть небольшом, найдутся люди, проявляющие интерес к твоим делам и заботящиеся о твоём благополучии. Стоит выйти в большой мир – и ты сам по себе. За тебя никто не отвечает, никому и дела нет, жив ты или мертв. Ты всего лишь чужак, а чужаки – подозрительные типы, которых гонят отовсюду, пока не успели натворить темных дел. Никто не знал о том, что Эндрю – хороший, честный парень. Здесь об этом точно никто не знал. Они видели в нем лишь одинокого юнца-бродягу в грязной рубаше, который, чего доброго, ограбит их или и того хуже. Для всех них он просто человек, находящийся не там, где должен.

На четвертую ночь он снова устроился в овраге, пытаясь решить, хочет ли проснуться на следующее утро. Пока дорога не принесла ему ничего, кроме горя и одиночества. Рыцарство и подвиги больше не занимали помыслов Эндрю. Важнее всего выжить, если, конечно, он и впрямь хочет этого. Усталый, измученный и отчаявшийся, Эндрю чувствовал, как одиночество царапает душу, оставляя на ней кровотокающие отметины. Не прошло и недели с того дня, как юноша ушел из родной деревни, а уже отчаянно тосковал по ней. Всю жизнь его окружали люди, которых он знал. Одних любил, других – нет. Но он знал каждого. Здесь же все мужчины, женщины и дети были для него чужими. Они сурово и неприветливо смотрели на него и кривили губы, когда он проходил мимо. Эндрю отчаянно хотелось услышать хоть одно доброе слово, но всюду его встречала только ругань. Он бродил по дорогам, как прокаженный, избегаемый и презираемый всеми. А ведь это его страна, ею правит его король, и все эти люди – его земляки, добрые англичане. А они обращались с Эндрю как с бешеным псом, который забрел на их землю.

Незадолго до рассвета юноша проснулся, чувствуя странную слабость и головокружение. Из полей вышло странное существо и приблизилось к нему. Эндрю сначала решил, что это

Джейк вернулся, и было собрался крикнуть, чтобы тот убирался прочь, но вдруг понял, что ошибся. К нему вышло пугало. Обычное пугало, сделанное из перевязанных крест-накрест палок, в потертом плаще и с большой репой вместо головы, замерло прямо перед мальчиком.

– Чего тебе? – невежливо спросил Эндрю, почти не испугавшись странного создания, хотя следовало бы. – Ты тоже прогонишь меня отсюда?

Покачиваясь на ветру, пугало поразмыслило немного и ответило:

– Похоже, ты голоден.

– Конечно, голоден. Я мог бы слопать твою голову.

– Мог бы, но она слишком долго проторчала на ветру под дождем. Она твердая, как кирпич.

– Я уже и на кирпич согласен.

В этот миг налетел порыв ветра, раздув старый плащ пугала, как парус. Оно оторвалось от земли и улетело прочь, как прихваченная ураганом тряпка. Эндрю проводил его взглядом, гадая, действительно ли голова пугала была слишком твердой, чтобы согнуться в пищу.

Он снова провалился в сон – на сей раз о жареной курице и теплом хлебе, а проснувшись, почувствовал себя так, словно живот набит камнями.

– Боже, пожалуйста, помоги мне, – пробормотал он, погружаясь в сон, граничащий с бредом. – На кого мне еще надеяться?

Эндрю еще никогда не было так худо. Он ослабел от истощения, в голове витали смутные, неясные мысли, как у перелетных птиц, и ему стали мерещиться странные вещи. Все знали, что мир населен *духами*, невидимыми для людей, живущих с ними бок о бок. Теперь Эндрю начал краем глаза замечать их. Странные дымчатые создания появлялись у дороги и, казалось, насмехались над ним. Он знал, что это за существа – шукки, демоны подземного мира, приходившие на землю в облике собак или крупных грачей. Иногда появлялись сияющие прозрачные силуэты, проносившиеся перед ним и отгоняя демонов. Эндрю был уверен, что это и есть ангелы. Иногда демоны и ангелы начинали сражаться друг с другом, яростно, но беззвучно. Всегда побеждали последние. Эндрю знал, что, если ангелы вдруг проиграют, его душа будет потеряна и ее утащат в свои берлоги отвратительные шукки с огненными глазами.

Наступил следующий рассвет, как всегда в мире. Эндрю кое-как, ползком выбрался из канавы и двинулся к ближайшему торговому городу. Там он вымылся в холодной воде из городского колодца и напился, чтобы хоть так наполнить ноющий желудок. Закончив с этим, юный бродяга сел на ступеньки крыльца, ведущие в большой зал, где собирались главы гильдий, чтобы поговорить о торговых делах, и погрузился в невеселые думы. Вскоре на той же улице показались трое юношей. Они оживленно беседовали друг с другом и, судя по всему, являлись добрыми друзьями. В отличие от Эндрю, облаченного в простую крестьянскую тунику, незнакомцы были одеты в шерстяные чулки и верхние рубашки, хотя одежда оказалась не новой – вещи уже успели обтрепаться по краям. На одном из парней, который говорил больше других, красовалась модная зеленая шапка с длинным острым кончиком. Сначала они направились к лошадиной поилке в центре площади, затем увидели колодец и напились из него.

Эндрю заметил, что у самого невысокого из них через плечо была перекинута лютня, а крепкий здоровяк нес узел, в котором, вне всякого сомнения, содержались все пожитки троих парней.

Как и Эндрю, они, похоже, просто проходили через город.

Набравшись смелости, мальчик разгладил тунику и побрел через площадь к вновь прибывшим.

– Ну-ка, что тут у нас? – бросил парень в шляпе. – Мистер Репоголовый, похоже, хочет с нами побеседовать.

Эндрю выпрямился и тут же покачнулся, а затем, прокашлявшись, произнес:

– Вы... вы пили из городского колодца без разрешения. Им... им заведует мой хозяин. Боюсь, вам это обойдется в пенни с каждого.

Двое парней искренне расхохотались, а тот, что был в шляпе, с ухмылкой произнес:

– Вот оно как, сэр Капустный Лист?

– Почему вы надо мной смеетесь? – спросил Эндрю, возмущенный их весельем. – Я уже разъяснил вам эту неприятную ситуацию. Если вы предпочитаете отправиться в тюрьму или в колодки, это ваше право, продолжайте смеяться и дразниться. Но я бы посоветовал вам прислушаться к моему дружескому предупреждению. Платите сейчас, или горько пожалеете. – Он выпрямился в полный рост. – Я человек терпеливый, сэр, но и у моего терпения есть пределы.

– В самом деле? Что ж, сэр, поверьте, я весь дрожу. – Он развязал потрепанный кожаный мешочек, висевший у пояса. – Похоже, я обязан выполнить ваше требование, иначе меня бросят в темницу и запытают до смерти из-за одного пенни. – Он покопался в кошельке и вытащил оттуда комочек меха. – Вот, сэр, держите, я плачу штраф с надбавкой. Сдачу можете оставить себе.

– Патрик, – произнес самый высокий из троих юношей, с миловидного лица которого не сходила широкая ухмылка, – оставь паренька в покое. Разве ты сам не видишь, что он голоден?

– Да, Патрик, – согласился другой, невысокий крепкий юноша с курчавой короткой бородкой, – продолжим путь.

Патрик, среднего роста и хорошо сложенный парень, окинул Эндрю взглядом, преисполненным жалости, затем кивнул. Когда все трое развернулись и двинулись прочь, Эндрю, запамятовав, крикнул им вслед:

– Мне придется сообщить властям о вашем нежелании соблюдать закон! У вас появятся причины сожалеть о своем поспешном решении, любезные сэры, можете мне поверить.

Патрик снова повернулся к Эндрю, теперь рассердившись всерьез. Казалось, он собирался, не стесняясь в выражениях, изложить мальчишке свое частное мнение о нем, но внезапно передумал.

– Скажи-ка, каким образом, – произнес он, – деревенский недотепа вроде тебя выучился так бойко и правильно говорить? Длинные слова, хорошо связанные, сказанные с уверенностью... Послушай, парень, мы прекрасно знаем, что ты не отвечаешь за этот колодец. Городскими источниками могут пользоваться все, и местные жители, и путники. Так что перестань изображать праведное негодование. Тебе нужна еда? Ты действительно голоден? Держи, – произнес он, сунув руку в кошелёк и достав маленькую светлую монетку, ярко блеснувшую на слабом осеннем солнце. – Иди купи себе пирог, ради бога. Дальше по улице есть пекарня. Иди на запах свежего хлеба, и ты обнаружишь, что булочник с радостью продаст тебе свой товар. Мы это знаем наверняка, потому что только что сами нанесли ему визит.

Эндрю бросил взгляд на блестящую монету.

– Я... я не попрошайка, сэр.

– О, бога ради! – воскликнул Патрик. – Теперь ему деньги не нужны! Возьми фартинг, парень. Мне он ни к чему. Набей живот пирожками с мясом, а потом отправляйся домой, где бы то ни было!

Чувствуя, как слезы, вызванные унижением, обжигают глаза, Эндрю выхватил монету из руки юноши.

– А говорить я выучился, – мрачно произнес он сдавленным голосом, – у моего друга, отца Ноттиджа. Он пояснил мне значения многих красивых слов и давал мне уроки счета и геометрии.

– Я рад за отца Ноттиджа. А теперь, парень, иди и купи себе пирог.

Эндрю сделал так, как было велено, – помчался вперед по улице, пока не наткнулся на пекарню. Хозяин продал ему два вчерашних пирога и круглыми от удивления глазами смотрел, как покупатель уплетает выпечку, почти не жуя. Второй был съеден с той же скоростью и жад-

ностью, что и первый. Наконец-то набив живот, Эндрю отправился на поиски троих парней. Они сидели возле трактира с кружками слабого эля, споря между собой о какой-то ерунде. Все трое с интересом взглянули на подошедшего к ним юношу.

– Я пришел, чтобы поблагодарить вас, – произнес Эндрю. – Вы были правы, я умирал от голода.

– Расскажи-ка нам свою историю, паренек. Артуру и Тоби не терпится ее услышать, – произнес Патрик, делая глоток из своей кружки.

– Я сбежал из деревни Крессинг и отправился на поиски счастья.

– Крессинг? Там находятся земли и амбары тамплиеров?

– Да.

– И где, интересно, ты надеялся отыскать свое счастье? В канавах да кроличьих норах?

– Опять ты надо мной смеешься, – напряженно произнес Эндрю, – а этого я не потерплю. Вы очень обяжете меня, согласившись встретиться со мной и сразиться на палках на городском лугу.

Трое парней зашлись от хохота.

– Редкая находка, не так ли? – воскликнул Тоби, самый рослый из троих. – Надо бы взять его с собой.

Патрик вопросительно изогнул бровь, так что она скрылась под шляпой, и одобительно кивнул.

– Думаю, да. Нам нужен гладко выбритый парнишка, поскольку Артур отрастил этот ужас на подбородке, верно? Мальчишка симпатичный, стройный и сможет очаровать публику, всего-то нужно немного румян... Ну что, беглец, ты бы хотел к нам присоединиться?

Эндрю озадаченно переводил взгляд с одного юноши на другого.

– Присоединиться в чем?

– В игре, разумеется, простачок. Мы играем, мы актеры. Или ты не распознал наше ремесло по благородному облику?

Все трое тут же повернули головы в сторону и застыли, чтобы Эндрю мог оценить величие их профилей. А потом снова посмотрели на него и расхохотались, хлопая себя по коленям. Ребята оказались веселыми шутниками, и внезапно тьма, царившая в сердце юноши на протяжении стольких дней, развеялась, словно из-за туч выглянуло солнце.

– Я вообще-то хотел стать рыцарем, – признался Эндрю, – но заработать немного денег в придачу не повредит.

– Всего-навсего рыцарем?! – воскликнул Патрик. – Зачем целить так низко? Бери выше! Почему бы не стать принцем или королем, парень? Где твое честолюбие?

– Ты всегда все превращаешь в шутку?

– Ну разумеется, парень, в конце концов, моя профессия – развлекать других. Если не заставлю людей смеяться, то непременно доведу до слез. Хочешь, изображу для тебя Дидону, отвергнутую Энеем? Или Троила, безмерно опечаленного тем, что Крессида сбежала к грекам? Хотя нет, я не могу и не стану этого делать, у тебя сердце разорвется от тоски. Лучше уж вызвать у тебя улыбку, чем слезы, а?

Эндрю обнаружил, что и без того невольно улыбается.

– И мне правда можно пойти с вами?

– Конечно. Тоби, продемонстрируй-ка ему его костюм, а Артур пока закажет бедному пареньку выпить.

Тоби послушно развязал узел, который нес, извлек оттуда длинную тунику и развернул ее перед Эндрю, а Патрик сыграл простенький аккорд на лютне и пропел:

– Тра-ля-ля!

Эндрю скривился. Это было женское платье. Довольно симпатичное, голубенькое, с кружевным воротником, длинное, аж до земли, но с грязным подолом, который, вне всякого сомнения, часто волочился по полу.

– Но почему?..

– Нам очень нужен юный актер для исполнения женских ролей, – пояснил Патрик, прихлебывая эль. – Артур в последнее время стал похож на козла и не может убедить зрителей даже в том, что прекрасно не его тело, но душа. А ты, мой мальчик, выглядишь как продажная девица, точнее, станешь на нее похож после того, как мы тебя как следует напудрим и размажем, нацепим парик и Артур покажет тебе, как надо вилять бедрами при ходьбе. Грубые мужчины будут в восторге от тебя, а женщины станут завидовать твоей стати и осанке. Ты прославишься по всей стране, рыцари начнут спрашивать: «Кто же, кто это божественное создание? Я должен сделать ее своей женой!» А короли и принцы тем временем будут проклинать твое низкое происхождение, которое не позволит им тут же предложить тебе руку и сердце!

– Ну... ну, не знаю.

Артур сунул кружку с элем в руку Эндрю.

– Предпочитаешь умирать с голода?

– Нет, конечно нет... но изображать женщину...

– А как по-твоему, в чем соль нашей игры?

– Я думал, из меня получится неплохой негодяй... Я могу изобразить очень свирепого типа, знаете ли.

– Негодяев и свирепых типов у нас сколько угодно, – отозвался Тоби, – перед тобой трое. А вот милые леди с писклявыми голосами попадают очень редко. Решать тебе, парень. Если присоединишься к нам, будешь носить шелка и драгоценности, красить глаза и губы. Тебя никто не узнает в таком виде, ведь верно? Да родная мать прошла бы мимо тебя на улице. Отец, может, и обернулся бы, но только от вожделения, а не с гневным окриком: «Что это мой сын делает здесь, разукрасившись, как мозговая кость?!» Садись, пей эль и благодари Бога, что встретил троих великодушных актеров, сжалившихся над тобой.

Так Эндрю и поступил, наконец представившись и сказав, что он им бесконечно обязан.

– Еще бы, – охотно согласился Патрик. – А когда станешь рыцарем, вспомнишь своих друзей-актеров и вознаградишь их сполна землями и богатствами, не так ли? Но до тех пор, друг мой, будем благодарны зрителям, у которых в карманах завалялась пара монет. Сегодня будем играть в этом городе, а завтра двинемся в следующий. Мы никогда не задерживаемся надолго на одном месте, самое большее – день или два. Если что-то вдруг пропадает, люди в первую очередь винят странствующих актеров и цыган, так что лучше жить на ходу. Подобные злодеяния чаще всего совершаются братьями или отцами бедных жертв, но актеры – люди беззащитные, да к тому же они выделяются из толпы. Не забывай об этом, юный Эндрю. Если мы разбудим тебя среди ночи и скажем: «Беги!», ты должен тут же вскочить на ноги и броситься прочь следом за нами.

– Я это запомню.

Представление, которое они дали тем вечером, вышло не слишком вдохновенным. Эндрю стеснялся и смущался из-за того, что приходилось говорить женским голосом, и сорвал первый эпизод. Он то и дело забывался и начинал мямлить слова своим ломким баском, словно извиняясь перед публикой, которая каждый раз начинала вопить и хохотать. В тот вечер они пытались поставить серьезную греческую трагедию, но Патрик, всегда отлично улавливавший настроение толпы, вскоре заставил остальных переигрывать, вызывая не слезы, а смех – и не безуспешно. Как только начинало казаться, что публике наскучило представление, он выходил вперед с лютней и исполнял нелепую любовную песнь, посвященную Эндрю, который, кривясь и корча рожи, пытался выбраться со сцены, сбежать куда глаза глядят, хотя ему это упорно не удавалось. «Сценой» на самом деле для них был двор перед местной пивной. Очень быстро

вокруг небольшого пятачка собрались зрители, и актерам теперь было некуда деваться. Когда раскрасневшемуся Эндрю удавалось разглядеть просвет в толпе и попытаться нырнуть в него и скрыться, он тут же исчезал, и «девицу» с энтузиазмом выталкивали обратно, под лучи свечей.

– Что ж, – произнес Патрик, когда представление закончилось и они начали подсчитывать выручку, – на сей раз мы выкрутились, но, Эндрю, – он наставительно указал пальцем на лицо их нового товарища, – этого не должно произойти вновь, иначе нам придется разойтись.

– Мне нужно потренироваться! – заискивающе произнес юноша. – Вы должны научить меня тому, как отделить себя от себя. Я наблюдал за всеми вами, когда мне не надо было играть. Вы словно становитесь другими людьми. Как это делается? Может, один из вас будет так любезен и научит меня лгать самому себе? Как заставить Эндрю поверить, будто он – Розамунда?

На троих актеров явно произвело впечатление то, что Эндрю понял суть проблемы, и Тоби сказал, что «возьмется за него».

Они переночевали в хлеву на окраине, но поднялись перед рассветом и снова двинулись в путь. Актеры направлялись в великий город Эссекса, Челмсфорд, где, по мнению Патрика, у них был шанс собрать больше зрителей. Представив, что дорога – это сцена, Тоби несколько раз изобразил разных персонажей, прямо на глазах зачарованного его перевоплощениями Эндрю, и дал мальчику хороший совет о том, как перестать быть собой и вжиться в роль.

– Скажи себе, – произнес он, обращаясь к юноше, – что шериф ищет Эндрю из Крессинга, уверенный в том, что тот совершил страшное преступление. Скажи себе: «Я должен притвориться, что я не тот, кого ищут, а другой человек, что я женщина, и непременно заставить всех поверить в эту ложь, иначе меня повесят, колесуют и четвертуют до захода солнца». Никогда не смотри в лица зрителей. Пусть они превратятся в море бледных одинаковых клякс. Ты играешь роль не для них, а для *себя*. Когда представление закончится, тебе будет трудно убедить самого себя, что ты не отважный мореход, а обычный простачок Эндрю.

– Я вовсе не простачок, – пробормотал мальчик.

По лицу Тоби пробежала тень, и парень помрачнел.

– А я говорю, что ты простак.

Эндрю уставился на высокого юношу, стоявшего перед ним.

– Почему ты меня оскорбляешь, Тоби?

– Потому что ты жалкий червь, мушиная личинка, скользкий слизень! – злобно прорычал Тоби.

– Я... Мне казалось, ты ко мне хорошо относишься, Тоби.

– К тебе?! – рявкнул тот. – Я тебя презираю, ты, жаба! Еще миг – и я тебя раздавлю, как улитку, коей ты и являешься. Что? Чего ты на меня пялишься безумными глазами, как умалишенный? Как смеешь ты бросать взор на меня, великого Цезаря? Неужели могучий воин должен терпеть, когда на него глазеет крестьянин, козопас без рода и племени? Я командовал многотысячными армиями! А ты присматривал за вонючими козами и их отродьем! Прочь с моей дороги!

Неожиданно Эндрю сообразил, что происходит.

– Ты назвал меня червем?! – Юноша вскочил и заорал прямо в лицо Тоби, которое находилось в двух сантиметрах от его собственного: – И слизнем? А ты сам сражался со львом, вооруженный лишь посохом? Отгонял ли ты волков от стада, швыряя в них камни? Может, боролся с медведем, чтобы спасти заблудившегося ребенка? Нет. Ведь у тебя есть прекрасный доспех, острый меч и несколько сотен охранников. Если бы у меня, простого козопаса, было твое оружие и твоя армия, я тоже стал бы великим воином. Поразмысли-ка лучше об этом, о, Цезарь! Если ты останешься один на дороге, в сандалиях и тунике, с палкой и камнем в руках, вот *тогда* ты сможешь называться мужчиной!

Тоби усмехнулся и закричал:

– Браво!

Двое других одобрительно захлопали в ладоши.

– Хорошо получилось? – спросил Эндрю. – Я хорошо сыграл?

– Отвратительно! – воскликнул Патрик. – Но это лучшее из всего, что у тебя получалось до сих пор. Ничего, мы еще сделаем из тебя актера – лет через тысячу.

Они зашлись от хохота, глядя на обескураженного мальчишку.

Анжелика де Соннак была очень одинокой молодой девушкой. Мать ее умерла от лихорадки, и отец не стал жениться вновь. У девушки не было ни братьев, ни сестер, а все компаньонки и дуэньи слыли уважаемыми дамами в летах. Ее отец, сэр Роберт, все время обещал пригласить молодых людей в поместье, но сейчас честный рыцарь полностью погрузился в государственные заботы. Он был советником короля Генриха, и этот великий воин и деятель, полагаясь на помощь своего вассала, нередко вынуждал того пренебрегать дочерью. Поэтому Анжелика вечно строила планы, пытаясь отыскать способ без разрешения навестить своих двоюродных брата и сестру, живших на окраине Лондона. Они обитали в одном из многочисленных деревянных домиков с соломенной крышей, обрамлявших дорогу, ведущую из города на север.

– Это не так уж и далеко, – говорила она своему спаниелю Менестрелю. – Мы бы с легкостью могли добраться до них и вернуться за день.

Мэтью и Андреа были младше ее, но, хотя Анжелике отчаянно хотелось пообщаться с молодыми людьми своего возраста, других вариантов не предвиделось. Раз или два к ее отцу приезжали дворяне с семьями, но с краткосрочными визитами. Да и гостей в поместье не было уже очень давно.

Но ее отца ни в коем случае нельзя было назвать жестоким тираном. Напротив, Роберт де Соннак слыл добродушным, мягким человеком и до безумия любил свою дочь. Возможно, даже слишком сильно – он не разрешал ей выходить из дома в его отсутствие, опасаясь, что она может угодить в беду. Однако сэр Роберт теперь был так занят королевскими делами, что с трудом находил время на сон, не говоря уже о том, чтобы отправиться с дочерью в гости к ее двоюродным брату и сестре. И разумеется, высокий пост часто заставлял его надолго отлучаться из дома, из-за чего Анжелика нередко чувствовала себя покинутой.

– В конце концов, мы теперь совсем взрослые, Менестрель, – произнесла она, обращаясь к спаниелю, который, едва услышав свое имя, поднял на хозяйку большие янтарно-карие глаза, – и не должны нагружать отца своими проблемами. Я одна отправлюсь к кузенам, пока отец объезжает земли. А, тебе интересно, как я собираюсь это сделать, ведь слуги не выпустят меня из дома? Смотри, на комодке есть перо и чернильница. Я напишу кузенам и сообщу им о своем визите. А потом составлю еще одно послание, но тебе, наверное, лучше не знать его содержания.

Менестрель, почесав ухо, восторгаясь тем, как доверительно с ним беседуют, решил, что требуется честный и весьма энергичный ответ. Он громко залаял в знак одобрения, о чем бы там ни говорила хозяйка, главное, ей интересно.

Анжелика направилась в отцовскую библиотеку, и Менестрель потрусил за ней следом. Там она нашла пару писем, которые отец писал ее матери, когда та еще была жива. Анжелика много раз читала их, проливая слезы, бесконечно растроганная открытым выражением нежных чувств отважного рыцаря. Роберт де Соннак был одним из тех воинов, кому доставляло больше удовольствия сочинение стихов, нежели истребление сарацин. Выбранные им красивые слова и выражения, полные любви, которую он питал к своей жене, снова вызвали слезы на глазах его юной дочери. Но Анжелике эти письма понадобились не для того, чтобы в очередной раз расчувствоваться. Перед ней стояла вполне определенная – и куда более практическая – цель.

Девушка унесла их к себе в комнату и, устроившись за своим письменным столом, начала составлять письмо управляющему. В нем «сэр Роберт» приказывал, чтобы во время его отсутствия его верный слуга велел подать карету и сопроводил Анжелику к дому ее кузенов. Дочь рыцаря весьма искусно обращалась с пером, но ее истинный талант крылся в фальсификации бумаг. Она довольно умело скопировала почерк отца, зная, что этого вполне хватит, чтобы обмануть полуслепого пожилого человека вроде их управляющего.

– Ну вот, – удовлетворенно произнесла Анжелика, посыпая письмо мелким песком, чтобы чернила быстрее высохли. – Очень похоже на отцовский почерк, не так ли?

Менестрель, недоумевая, на что он должен смотреть, на всякий случай снова согласно гавкнул.

Глава 3

Лондон

– Послушай, Эндрю, – произнес Патрик, когда молодые люди приблизились к Челмсфорду, – мы сейчас по-прежнему в графстве Эссекс, и тебя могут разыскивать. Мы должны оставаться настороже, готовые к бегству.

Эндрю был изрядно озадачен этими словами.

– Меня могут разыскивать? Но кто и почему?

– Потому, – отозвался Артур, – что ты беглец.

Эндрю покачал головой:

– Меня никто не хватится, кроме родителей. Даже барон не знает о моем существовании, я уверен в этом. Правда, хозяин нашей деревни услышит о моем побеге, но он простой рыцарь, и ему нет до этого никакого дела. Кроме того, мой отец – вольный человек.

– В одном можешь быть уверен точно: лорд ваших земель знает имя каждого человека на принадлежащих ему поместьях. Бароны – весьма цепкие люди. У них на счету каждый пенни, поросенок, мужчина, женщина и ребенок, которые, по их мнению, им принадлежат. Собственно, так они и становятся баронами. Это упрямые, сильные люди, а кодекс, по которому они живут, – жадность. Может, твой отец и вольный человек, но до тех пор, пока ты не унаследуешь его дело, ты, скорее всего, останешься в списке возможных крепостных. Полагаю, ты знаешь, какими правами наделен подневольный крестьянин?

– Никакими?

– Или очень немногими в любом случае. Ты всего лишь раб барона, которому запрещено покидать свой надел или деревню без его разрешения. Ты нарушил закон, и, если тебя поймут, накажут за это. Одна из самых суровых кар за подобный проступок – лишение свободы. Тебя притащат в поля и заставят работать, друг мой, и я сомневаюсь, что в этом случае тебе когда-либо удастся получить положение отца, который, по твоим словам, вольный человек.

– Но что же мне делать? – с беспокойством спросил Эндрю. – Здесь наверняка будут люди из Крессинга, это ближайший город к деревне. Торговцы и купцы, а может, и многие другие...

Тоби улыбнулся:

– Значит, нужно позаботиться о том, чтобы они не узнали вас, миссис Квикли.

– О, – протянул Эндрю, начиная понимать, какая участь ему уготована. – Мне что, придется все время ходить в платье?

Патрик расхохотался:

– Не беспокойся, наша следующая цель – Лондон, а там столько жителей, что ты вряд ли встретишься с кем-то из жителей вашей крошечной деревни.

– А сколько там людей?

– Говорят, в самом городе живет больше пятидесяти тысяч человек, не считая пришлых.

Эндрю присвистнул:

– Так много? Я не думал, что столько людей живет во всей нашей стране!

Итак, прежде чем войти в Чемсфорд, юноши нарядили Эндрю в женское платье и нанесли на его лицо столько слоев пудры и краски, что даже родная мать не смогла бы теперь узнать сына. Но эффект получился скорее обратный желаемому, поскольку теперь каждый прохожий на улице останавливался, чтобы рассмотреть странную женщину, принимая Эндрю за безумную. Юноша подыгрывал им, напевая песенки тонким голосом, разговаривая с деревьями и птицами и пытаясь расцеловать солидных пожилых джентльменов без разрешения. Вскоре вокруг актеров собралась целая толпа, и они начали одно из своих представлений. Эндрю порадовался про себя предупреждению Патрика о грозящей ему опасности, поскольку одним из первых людей, остановившихся посмотреть на их игру, был тамплиер из Крессинга. Его лицо

было хорошо знакомо юноше, вполне вероятно, рыцарь также узнал бы его, если бы не этот маскарад.

Рыцарь, однако, похоже, остался недоволен представлением, поскольку поджал губы и ушел прочь, направившись на рыночную площадь.

Эндрю оставался в своем наряде весь день и часть ночи. Он испытывал большие неудобства и начал понемногу ненавидеть свою роль. Однако юноша понимал, что играть ее необходимо. Поздно вечером какой-то пьянчуга поссорился с Патриком и попытался ударить его по голове тяжелой железной кружкой. Парень ловко увернулся и, схватив бутылку, запустил ею в обидчика, однако промахнулся, и снаряд угодил в другого достойного человека, судя по одежде – мясника. Тот выхватил из ножен у пояса огромный нож и поклялся пустить Патрика на бекон. Тоби ударил мясника по голове кулаком, уложив его на месте, а Артур пнул по ногам пьянчугу, и тот кубарем покатился на землю. После этого четверо актеров помчались прочь, причем Эндрю пришлось задрать юбки почти до колен. За молодыми людьми гналась разъяренная толпа.

Они сбежали из города и переночевали в стог с соломы. Поутру друзья зашли на ферму и купили еды на заработанные вчера деньги. Жена хозяина удивленно смотрела на молодую девушку, которая уплетала еду за обе щеки. Эндрю еще не вполне оправился от недельного поста и с жадностью накинулся на яйца, поглощая их одно за другим.

– Я прошу прощения за свою сестру, – произнес Патрик, сделав изящный жест в сторону юноши. – Ее манеры оставляют желать лучшего. В этом виноваты целиком и полностью наши родители, светлая им память, не потрудившиеся привить этой невежественной девице хотя бы зачатки приличий. Невеждой она родилась, невеждой и остается по сей день. Мы глубоко сожалеем о ее поведении, мадам, и испытываем бесконечное огорчение в связи с тем, что вы вынуждены лицезреть ее отвратительные манеры.

– Ох, да что уж тут беспокоиться, – всплеснула руками жена фермера, поняв лишь малую часть этой высокопарной речи. – Главное, она кушает с удовольствием.

И Эндрю действительно ел с большим аппетитом. Хотя рыцарство по-прежнему оставалось лишь далекой туманной перспективой, как и раньше, встреча с троими актерами полностью изменила его взгляд на жизнь. Знай он, что в дороге может быть так весело и интересно, Эндрю давным-давно сбежал бы из деревни. Конечно, юноша не сознавал, что, покидая Крессинг, он нарушает закон. С другой стороны, разве что-нибудь изменилось бы? Эндрю в этом сомневался. Гарольд и его родители наверняка подняли такую бучу, что его в любом случае как минимум бы ждали колодки. А это конец, поскольку деревенские мальчишки начали бы швырять в него тяжелые камни (а потом с возмущением доказывать, что это овощи) и быстро забили бы недруга до смерти.

Но теперь деревенские обычаи и мелкие дразги остались в прошлом. Эндрю направлялся в Лондон, великий город, где иногда можно было увидеть короля Генриха и его дочерей. Одна мысль о том, что ему, возможно, доведется лицезреть членов королевской семьи, приводила в восторг и наполняла радостным возбуждением. В Лондоне жили юные Генрих, Ричард, Джеффри и Джон, все принцы. И принцессы – Матильда, Элеонора и Джоанна, хотя Эндрю не знал, как обращаются с молодыми особами королевской крови, дозволено ли им путешествовать и гулять по городу, или же их держат взаперти в замке. Как бы то ни было, король Генрих нередко отправлялся во Францию, где он был герцогом или графом нескольких провинций. Или в Ирландию, лордом и господином которой являлся. Король из рода Плантагенетов правил многими землями на Британских островах. Патрик объяснил Эндрю, что Генрих, которого часто называли Короткий Плащ, по происхождению норманн, женился на французской королеве Элеоноре Аквитанской. Все это казалось совершенно невероятным деревенскому мальчишке, сыну простого кузнеца, подковывавшего лошадей.

Когда он доберется до Лондона, можно будет подумать об исполнении своей мечты и поискать способ стать рыцарем, ведь в столице возможно все. Где, как не там, любому может улыбнуться удача? Сегодня ты беден и без гроша в кармане, а завтра богат и купаешься в роскоши. Эндрю не раз слышал рассказы о молодых людях, получивших деньги и власть по прихоти какого-нибудь дворянина. Возможно, кто-то из знатных людей заинтересуется смысленным юношей и тем самым укажет ему путь к цели?

Наконец в среду друзья вошли в Лондон.

Звуки и виды были поразительны. И количество людей на улицах. И шум толпы. Грохот колес, цокот копыт. Стук горшков и лотков. Хлопанье ставен. Крики торговцев. Вопли торговок. Узкие улочки заполнены людьми, животными, телегами, каретами, всадниками. На многих яркие разноцветные одежды. Особенно выделялись наряды, подобных которым Эндрю никогда не видел – в них были облачены чужеземцы, приехавшие из далеких стран. Люди с черной кожей и вечно улыбающимися глазами, с волосами, похожими на легкие кудрявые облачка, странные смуглые люди... Повсюду радовали глаз цвета – даже на крышах и башнях. Трепетали флаги, развевались знамена. Разноцветье наблюдалось даже на реке, переливаясь в парусах самых разных кораблей.

– Сарацин! – вдруг вскрикнул Эндрю, потянувшись за кинжалом, висевшим у Патрика на поясе, – к ним приближался мужчина в длинном белом одеянии и тюрбане.

Патрик поспешно схватился за рукоять, не давая юноше обнажить клинок.

– Это всего лишь путешественник, Эндрю. Успокойся. Не все жители Востока непременно сарацины. Это всего-навсего мирный араб, моряк или торговец.

Все вокруг казалось Эндрю удивительным и странным. В городе пахло навозом и человеческими нечистотами. Мужчины открыто мочились в узких улочках. Псы гадили на пороги. У обочин валялись гниющие овощи. Повсюду деловито сновали крысы, за которыми гонялись тощие коты. Тяжелый запах ослиного и конского пота забивал ноздри. Повсюду на тротуарах и в подворотнях отсыпались пьянчуги. Беспризорные дети рыскали по улицам, осторожно и беззвучно, как кошки, выискивая возможность что-нибудь стащить. Ярko накрашенные женщины дергали мужчин за туники и что-то шептали на ухо. Тут и там в толпе можно было заметить людей благородной наружности, которые взирали на городскую суету с презрением и надменностью, словно сами не являлись частью столь низкого и грязного сообщества.

То и дело актеры проходили по небольшим площадям, окруженным кирпичными или деревянными домами с выдающимися вперед нависающими над улицей верхними этажами. В городе было много колоколен и церквей, нередко расположенных в нескольких шагах друг от друга. И монастыри, мужские и женские. Столько людей, столько зданий, все пространство забито ими до отказа. Эндрю никак не мог понять, почему так, если за городом столько простора. Ведь можно просто-напросто ставить дома реже? А они вместо этого примыкали друг к другу, склонялись друг к другу, толкались друг с другом. Почти весь Лондон находился на северном берегу изогнутого русла великой реки Темзы, вдали виднелся единственный деревянный мост на другую сторону, где располагалось местечко под названием Сутверк.

– Говорят, в следующем году на его месте построят каменный мост, – произнес Тоби, – и заменят деревянный.

– Я не удивлен! – воскликнул Эндрю. – Пятьдесят тысяч человек! Что, если им всем вздумается разом пересечь реку? Деревянный мост просто рухнет под их весом!

Остальные расхохотались.

– А с чего вдруг всем вздумается разом пересечь реку? – уточнил Артур. – Я готов побиться об заклад, что половина жителей города не пользовалась этим мостом ни разу в жизни.

Они осторожно обошли уличного писца, который поинтересовался у Патрика, не хотел бы тот написать письмо своей дорогой матушке.

Юноша отказался, пояснив, что, если только уважаемый писец не освоил язык мертвых, его послание никогда не будет прочитано.

– Что, вообще ни разу? – поинтересовался Эндрю, продолжая разговор с Артуром.

– Думаю, нет, если только они не направлялись дальше, в город вроде Саутгемптона или один из других южных портов.

– Это вероятно, но ведь наверняка каждый житель хоть раз в жизни да ходил на другой берег – просто чтобы потом сказать, что был там.

Патрик произнес:

– Не все так любопытны, как ты, Эндрю. Большинство людей просыпается, думая о деньгах, и ложится спать с той же всепоглощающей мыслью. Деньги – бог, управляющий их жизнями. Как только человек получает дом, в котором можно жить, ему тут же хочется другой, больше да лучше. Если в кладовой есть еда, хозяину тут же нужна другая кладовка, и так далее. Люди могут умереть богатыми, не потратив ни единого пенни, хотя в могиле от денег проку мало. Если они не заработают фартинг, перейдя на другой берег Темзы, значит, нет смысла туда идти.

На улицах Лондона хватало неприятных личностей, но четверо юношей защищали друг друга. Если бы Эндрю забрел в этот опасный город, будучи таким же доверчивым и наивным, как в тот день, когда он только ушел из деревни, то наверняка бы распрощался с жизнью еще до ночи за сандалии на ногах. Все актеры носили кинжалы на поясе, не скрывая их, предупреждая воров и разбойников, что возможные жертвы не так уж беззащитны. Зло таилось на каждом углу, в тених церквей, под сенью нависавших над улицами зданий, в каждом трактире или пивной. Эндрю дважды оттесняли на опасную улицу с оживленным движением разные негодяи, прежде чем он научился вовремя уворачиваться или отвечать тем же.

Люди в городе часто казались мрачными и неприветливыми и не желали никому уступать дорогу. На одном углу Эндрю чуть не врезался в мужчину, кожа которого была совершенно черна. Юноша стоял, пораженный, невежливо тарашась на незнакомца, пока тот не улыбнулся ему, – в Лондоне такое случилось впервые на его памяти. Эндрю ухмыльнулся черному человеку в ответ. Незнакомец казался бы дикарем, если бы не носил тунику и штаны и в связи с этим не выглядел бы как самый обычный горожанин.

– Ты его видел? – спросил он, повернувшись к Тоби. – Как считаешь, откуда этот человек родом?

– В Лондоне много таких чужестранцев, – безмятежно отозвался Тоби. – Думаю, этот из далекой страны, которая называется Африка, она находится рядом с Иерусалимом. Ты еще увидишь здесь темнокожих мужчин, правда, светлее, чем этот. И не все родом из Святой земли. Мир очень велик, Эндрю, в нем много стран и еще больше племен. Видишь вон там человека с желтой кожей и узкими глазами? Он из места, которое еще дальше от нас, чем Африка. А вон тот, со светлым лицом и волосами, скорее всего, из холодной страны. В мире куда больше чудес, Эндрю, чем те, о которых могу рассказать я. Тебе следует побеседовать с моряками и странствующими торговцами. Они бывают повсюду. И чудовища, которых им довелось повидать, столь ужасны, что лучше не смотреть даже на их изображения. У меня были кошмары о драконах, и разных морских монстрах, и созданиях, называемых тиграми, которые едят людей!

Разум Эндрю начал раскрываться, как цветок по весне, по мере того как они шли по Лондону, и его сердце наполнилось благоговением.

Тем вечером они играли перед большой толпой до тех пор, пока стражник не прогнал актеров с площади. Не все остановившиеся посмотреть представление дали им пенни, но четверо юношей заработали достаточно, чтобы заплатить за ночлег и еду в доме еврейской семьи, обошедшейся с ними на редкость гостеприимно. Молодым людям пришлось ночевать на каменном полу в большом зале, но им постелили тюфяки, набитые соломой, спать на кото-

рых было мягко, тепло и сухо. Утром они позавтракали горячим молоком и теплым хлебом только что из печи.

Хозяйка сказала им, что они очень хорошие парни, совсем не похожие на тех пьянчуг, которым она иногда давала крышу над головой, и пригласила их вернуться на постой, когда им это будет удобно. Вообще-то, по правде говоря, Патрик и Тоби не отказывались от лишней кружечки эля, но пиво делало их разговорчивее, а не агрессивнее. Артур был искренне набожен, поэтому не употреблял «дьявольское варево», а Эндрю обнаружил, что оно ему попросту не по вкусу.

– Я должен пройти по мосту, – объявил Эндрю своим друзьям. – Я должен перейти с этого берега на другой.

– Зачем, во имя неба? – удивился Артур. – Грязь по ту сторону моста того же цвета, такая же жидкая и так же мерзко пахнет, как на этом берегу.

– Но это же чудо природы! – возразил мальчик.

– Не природы, оно сотворено руками человека, – поправил Патрик. – Этот мост построили люди.

– Но разве человек не является творением природы? – произнес Эндрю, научившийся спорить.

– Разумеется, но, говоря о чудесах природы, обычно подразумевают более естественные проявления ее и Божьей силы – как ракушки и деревья.

– Разве мост сделан не из досок?

– Разумеется, но...

– А доски разве взяты не из деревьев?

– Да, конечно, но...

– Тогда я буду придерживаться своего мнения, – поспешно отрезал Эндрю, прежде чем Патрик, умевший складно говорить лучше прочих, не подобрал нового возражения.

И четверо юношей прошли до моста, пересекавшего Темзу. Приблизившись, они увидели, что движение на нем самое оживленное – хватало и пешеходов, и телег, запряженных лошадьми. Мужчины и женщины с раздражением проталкивались через толпу, те, кто был больше и сильнее, отпихивали с дороги слабых. Телеги, повозки, кареты и лошади двигались по левой стороне, а нескончаемый поток людей – по правой.

– Все еще хочешь присоединиться к этому зловонному шествию? – спросил Артур, покачивая головой. – В таком случае я лучше подожду тебя здесь.

– Я тоже, – твердо произнес Патрик.

Тоби вздохнул.

– Я пойду с тобой, Эндрю, – тебе понадобится кто-то, способный расчистить путь.

Двое из четверых актеров ступили на мост и влились в поток людей, двигавшихся с севера на юг. Однако едва они миновали треть пути, раздался испуганный крик. Внезапно из лучей тусклого осеннего солнца вылетела пустельга и промчалась прямо перед носом лошади, запряженной в карету. Испуганно заржав, животное взвилось на дыбы, а затем принялось лягаться. Копыта угодили по переднему колесу, оно соскочило с оси и сломалось, а карета угрожающе накренилась к краю моста. Из нее выбросило молодую женщину, которая перелетела через перила и упала в воду. Казалось, она медленно парит в воздухе, приближаясь в облаке кружев к быстро бегущей воде. Испуг на ее лице сменился ужасом, как только девушка ощутила ледяные объятия реки. Незнакомку тут же унесло под мост течением, как раз к той стороне, где Тоби и Эндрю с трудом проталкивались через толпу.

Юноша тут же скинул сандалии и вскочил на перила.

– Остановись! – с ужасом воскликнул Тоби. – Ты утонешь!

Словно не услышав предостережения приятеля и не обратив внимания на голос собственного разума, Эндрю прыгнул. Он ударился о воду и с силой выдохнул, когда ледяной

обруч стиснул грудь болью. Руки и ноги казались замороженными сучьями. Побултыхавшись немного, он наконец вынырнул и быстро поплыл, все время оглядываясь. Где же эта девушка? Эндрю дико озирался по сторонам, пока течение несло его прочь. Наконец ему посчастливилось заметить промелькнувшее на поверхности белое кружево. Девушка только что погрузилась в воду с головой, даже юбка еще не успела намочнуть. Эндрю бросился вперед, делая быстрые, уверенные гребки, и вскоре вцепился в кусок ткани. Девушка снова показалась на поверхности, отплевываясь и кашляя.

Она крепко вцепилась в него, едва не утащив под воду, но Эндрю был куда сильнее и крепче ее, поэтому одной рукой разжал пальцы, судорожно стискивавшие его тунику. Девушка тут же обмякла. Тогда он схватил ее за длинные волосы и, удерживая голову незнакомки над водой, а заодно не давая ей снова вцепиться в него, поплыл к южному берегу. Но русло реки в этом месте поворачивало, и течение вынесло их напрямиком на лодку, стоявшую у причала. Проплывая мимо нее, Эндрю сумел уцепиться за швартовочный линь и крепко сжал пальцы. Девушка безвольной куклой лежала на воде, словно привязанная к юноше веревкой. Ее лицо то и дело уходило под воду. Жизнь незнакомки в прямом смысле слова висела на волоске – точнее, на густых, длинных кудрях, которые крепко сжимал в кулаке Эндрю.

Юноша держался из последних сил, думая, что в любой миг ему придется отпустить либо девушку, либо линь. Или и то и другое. Он устал и так замерз, что не чувствовал ни рук, ни ног. Эндрю понимал, что не сможет подняться в лодку сам и вытащить из воды девушку. Ему попросту не хватит сил. Все, на что он был способен, – держаться на воде и надеяться на чудо.

И чудо произошло. К берегу со всех ног прибежал рыбак, вцепился в швартовочный линь и начал изо всех сил тянуть лодку к берегу. За ним примчались другие. Вскоре Эндрю почувствовал, как его вытягивают из ледяной воды на сушу. Он по-прежнему крепко держал девицу за волосы, и кто-то с усилием давил на его пальцы, чтобы заставить их разжаться. Затем юноша потерял сознание. Придя в себя, он сел, яростно дрожа, и увидел, что девушка неподвижно лежит на земле. Кто-то укрыл ее теплыми плащами. Эндрю заметил, что и сам бережно укутан в шерстяную материю. Он уставился на безжизненное, бледное лицо незнакомки и кое-как выдал:

– Она мертва? Утонула?

Ему ответил Патрик:

– Нет, Эндрю, она еще дышит. Ты спас ей жизнь.

– Хвала Господу!

– Да, полагаю, что так, – пробормотал Патрик. – Если, конечно, именно *Ему* нужно возносить хвалу.

Это загадочное замечание Эндрю пропустил мимо ушей, друзья повели его прочь от девушки. Когда они отошли метров на пятьдесят от берега, появились всадники, понукающие галопирующих лошадей. Раздался крик, и один из вновь прибывших – пожилой мужчина в богатом облачении – направился к четверым юношам.

– Кто спас ее? – спросил он, не спешиваясь.

– Эндрю. Эндрю из Крессинга, – выпалил Тоби, указывая на друга.

Всадник мрачно кивнул.

– И где я смогу найти этого Эндрю из Крессинга, если в том возникнет необходимость?

– В г-гостинице «Ск-крещенные к-ключи», – выдал Эндрю, громко клацая зубами, – если, к-конечно, он п-проживет достаточно долго, чт-тобы добраться до к-камина.

Как только всадник двинулся к девушке, которую осторожно подняли и понесли прочь на носилках, Патрик повернулся к Тоби и Эндрю с укором:

– Лучше было бы не называть своего имени и места, где тебя можно отыскать. Если девушка умрет, они наверняка захотят отыскать козла отпущения.

– Но он же спас ей жизнь! – запальчиво возразил Тоби.

– Не стоит недооценивать безумие, которое приходит вместе с горем, – мудро отозвался Патрик. – Это сейчас Эндрю – герой, но если девушка умрет от простуды и горячки, начнут говорить: «Если бы он сделал то или это, она бы осталась жива». Они начнут ставить под сомнение действия Эндрю, его поспешность – словом, каждое решение. «Почему он сразу не поднял ее в лодку? – спросит этот человек. – Ее убили эти минуты промедления!» Не пройдет и дня, как Эндрю начнут обвинять в непредусмотрительности и пренебрежении ее жизнью и здоровьем.

– Но я б-бы не смог п-поднять ее, – запинаясь, выдавил Эндрю, который и сам никак не мог согреться. – Я так ослабел после плавания, что не смог бы поднять и младенца.

– А еще, – Патрик помедлил, когда они подошли к дверям гостиницы, – а еще они могут задуматься о том, почему простой деревенский парень, который провел всю жизнь на суше, способен ходить по реке, где остальные идут ко дну и умирают. Бог наделил его этой силой или же дьявол? Тоби, ты способен держаться на воде, не погружаясь в нее? А ты, Артур?

Юноши серьезно покачали головами.

– Вот и я не могу, – продолжил Патрик. – И мне еще не встречался человек, способный на это.

– Но меня же ты знаешь! – возразил Эндрю, сразу направившийся к камину, как только они вошли в гостиницу. – Это называется плавание. Уверен, даже ты слышал о таком искусстве, Патрик. Есть моряки, которые умеют плавать. Правда, как мне говорили, их не так уж много, но они есть. Я выучился этому, когда деревенские забияки бросили меня в пруд. Если бы я не начал барахтаться, наверняка утонул бы. В плавании нет ничего волшебного или колдовского. Просто надо правильно двигать руками и ногами, только и всего. Скажи, Патрик, ты умеешь ходить?

– Ну конечно, я умею ходить.

– Почему «конечно»? Ведь когда ты только родился, ты не был способен на это. Ты научился этому, потому что так было нужно, иначе ты не смог бы двигаться по миру. А учиться плавать тебе не было нужды, поскольку ты не живешь в воде. А вот я частенько в ней оказывался, потому что меня швыряли в пруд и речку деревенские мальчишки.

– Но правда ли то, что ты сейчас нам говоришь? – спросил Патрик. – Я познакомился с тобой совсем недавно. По большому счету все, что я о тебе знаю, рассказывал мне ты сам. А вдруг ты самый бессовестный лжец в королевстве? Откуда мне знать? Все связанное с тобой покрыто тайной, мы только с твоих собственных слов знаем о том, что ты – сын кузнеца, у которого какой-то незначительный чин в деревне тамплиеров в Эссексе, мальчишка, который сбежал оттуда из-за хулиганов. Мне бы очень хотелось знать, откуда взялась пустельга, вылетевшая прямо перед носом у той лошади и напугавшая благородное животное. Еще мне очень интересно, откуда эти темные пятна на твоей лодыжке, похожие на след от пальцев. И почему пальцы у тебя на ногах с перепонками, как у утки. Там, откуда я родом, тебя бы сожгли сразу после рождения, как ведьмино отродье.

Тоби покраснел и с яростью сказал:

– Оставь его в покое, Патрик. С чего это дьяволу утруждаться и спасать жизнь невинной девушки? Без сомнения, та птица – его рук дело, но Эндрю пришел ей на помощь, спас ей жизнь и, возможно, душу. Эндрю – наш друг. Тебе должно быть стыдно за себя, Патрик.

Эндрю, начавший понемногу отогреваться у яркого огня, который весело полыхал в камине, покачал головой:

– Нет, Тоби, у Патрика есть право задавать эти вопросы. Хотя, боюсь, мои ответы вам придется не по нраву. Я сказал вам правду: я действительно Эндрю из Крессинга, и мой отец – кузнец в стане храмовников. Моя мать собирала дрова в лесу среди зимы, когда родился я. Кое-кто помог ей и принял роды. То была женщина, которую у нас называют «женой колдуна», говорили, это ее пальцы выжгли отметины у меня на лодыжке, когда она вытащила меня из

материнского чрева не так, как должно – не головой вперед, а ногами. Говорили, пальцы на ногах у меня такие потому, что в повитухах у матери была ведьма.

Эндрю не стал рассказывать своим друзьям о встрече с двумя мертвецами, которые утверждали, будто у них для него послание от жены колдуна. Это и впрямь могло отвратить от него вернейших друзей и заставить их усомниться в нем. Эндрю чувствовал, что и без того рассказал достаточно.

Тоби произнес чрезвычайно серьезно:

– Ты рассказал нам об очень странных вещах, Эндрю, но они не делают из тебя ведьмино отродье. Ты сын обычных родителей, так же как и я. В том, что твоя мать оказалась застигнута родовыми муками в лесу зимой, нет ни ее, ни твоей вины. И никто из вас не повинен в том, что ближе всех оказалась жена колдуна. Ты уже пострадал за это от рук жителей собственной деревни. Если бы ты и впрямь владел черной магией, то наверняка уничтожил бы своих обидчиков с ее помощью. Это имеет смысл, верно, Патрик? Почему тогда он принимал зло и побои, если в любой момент мог защитить себя колдовством?

Патрик пожал плечами:

– В этом есть своя логика, Тоби, друг мой, но я не уверен, что логика поможет, когда люди жаждут крови. Остается только надеяться на то, что девушка выживет. Если же нет – нам придется как можно быстрее убираться из этой гостиницы, чтобы не столкнуться с разъяренной толпой. Я уверен: если девушка умрет, люди захотят убить Эндрю.

Слухи в Лондоне, стольном городе короля Генриха, расходились быстро. Очень скоро юные актеры узнали, что девушка жива и здорова. Тем вечером они дали представление, основанное на трагическом греческом мифе о Леандре, каждую ночь переплывавшем Геллеспонт, чтобы встретиться со своей возлюбленной, Геро, на другом берегу. Его вел свет фонаря, который жрица Афродиты зажигала на вершине своей башни. Но однажды ночью яростный шторм задул пламя, Леандер заблудился во тьме, и поутру его тело прибило к берегу. Поставить эту трагедию решил Патрик, и успех представления был сказочным. Столько зрителей они еще никогда не собирали, и к концу представления монеты не помещались в горшок.

Друзья вернулись в гостиницу в приподнятом настроении, решив остаться не у добрых евреев, а в месте, где всегда можно достать еще эля. Тем вечером Эндрю попытался объяснить своим спутникам, что странная удача, приходившая к нему порой из-за того, что повитухой у его матери была жена чародея, была ниспослана не Богом и не Сатаной, но другой сущностью, которая властвовала над их краями еще до того, как на берега Англии пришло христианство.

– Мы называем его Вудвос, но некоторые знают его как Зеленого человека или Дикого человека. Он – естественное создание самого этого мира, господин лесов и долин, поэтому нет причин его бояться, в нем нет никакого зла. Более того, в монашеском саду в Крессинге, обнесенном высокой стеной, есть статуя Зеленой женщины, которую признают не только сами монахи, но и деревенские жители. Это создания природы, о которых никто не говорит дурного, темно-зеленые духи, населяющие поросшие мхом овраги и торфяные канавы. Они приносят солнечный свет в запутанные кусты и лунные тени в темные леса.

– Глупое суеверие, – пробормотал Патрик.

– Вовсе нет, – неожиданно возразил Тоби. – Мой дядя однажды видел Зеленого человека. У него на лбу росли ветвистые рога...

– У твоего дяди? – уточнил Артур, взглянув на Патрика, с надеждой, что тот оценит его остроумие, но Тоби так нахмурился, что шутник предпочел отвернуться к стене.

– С ветвистыми рогами на лбу, – упрямо продолжил Тоби, – и оленьими копытами вместо ног. Его дыхание покрывало инеем зеленые травы. Он двигался как тень летящего ворона, скользящая по земле, или как осторожная лиса, пробирающаяся через сухой папоротник.

Патрик только вздохнул:

– Ну и деревенщины вы оба! Но я вижу, вас не переубедить. Давайте-ка ложиться спать. Будет лучше, если мы встанем пораньше и выберемся из города, пока кому-нибудь не пришлось в голову отобрать у нас честно заработанные деньги. В Лондоне не получишь и монеты без того, чтобы этого не приметили сотни глаз, обладатели которых решат, что грех упускать такую возможность. Я убедился в том, что за нами с площади никто не следил, но завтра разбойники начнут нас искать и постараются поймать в каком-нибудь безлюдном переулке.

Юношам разрешили лечь в кухне, самом теплом месте в гостинице, и они устроились под лавками и подставками под посуду, расстелив на полу тонкие покрывала, выделенные хозяином.

Однако за два часа до первого петушиного крика дверь кухни с грохотом распахнулась, и внутрь вошли несколько мужчин при оружии и в доспехах. Железные рыцарские башмаки громко стучали по каменному полу.

– Кто здесь Эндрю из Крессинга?

Все четверо проснулись и уставились на пришедших. Артур указал на младшего из своих приятелей. Эндрю, не мешкая, выбрался из-под скамьи для разделки мяса.

– Я Эндрю из Крессинга.

– Ты должен немедленно отправиться с нами, – приказал один из рыцарей. – Сэр Роберт де Соннак желает побеседовать с тобой.

– В четыре часа утра? – поинтересовался Патрик.

– Нашему хозяину не спится, – отозвался мужчина, скривившись, – и он подстраивает весь мир под свое расписание. – И, повернувшись к Эндрю, добавил: – Идем, мальчик. Соображай быстрее. Наш хозяин не любит долго ждать, даже когда его верным слугам приходится выполнять поручения натошак.

Глава 4

Сэр Роберт де Соннак

Эндрю покорно вышел из гостиницы вместе с вооруженными людьми, оставив своих друзей гадать, увидят ли они его когда-нибудь снова.

– Садись за мной, парень, – велел человек в доспехах, взобравшись на своего скакуна, оставленного на улице.

Эндрю послушался. Другие рыцари, из которых ни один не сказал ему ни слова, также вскочили в седла. Они двинулись к мосту через Темзу, и действительно вскоре отряд пересек его, направился дальше, за город, миновав деревню Сутверк. Наконец они достигли большого поместья, выстроенного посреди леса. Это было величественное здание, при виде которого у Эндрю перехватило дыхание. Юношу провели внутрь в большой зал. На противоположном от него конце комнаты за длинным столом сидел стройный немолодой человек со светлой бородой и волосами по плечи. Он смерил Эндрю спокойным взглядом, пока юноша неуверенно шел к нему. Рыцари, не мешкая, развернулись и вышли, оставив хозяина и гостя наедине. Эндрю замер перед незнакомцем, давая ему возможность себя рассмотреть. Он решил, что перед ним управляющий или один из главных слуг. Разумеется, хозяину такого особняка не может быть дела до безродного юнца.

– Ну что ж, – произнес мужчина тихим голосом. – Не тревожься, юноша, ты здесь для того, чтобы получить награду, а не наказание.

– Благодарю вас, сэр, но я не чувствовал страха.

Эти слова вызвали легкую улыбку на лице незнакомца.

– Почему?

– Потому что у вас доброе лицо, сэр.

Услышав это заявление, мужчина коротко рассмеялся:

– Вот как? В таком случае, возможно, тебе будет интересно узнать, что я убил немало людей в свое время, и многих из них – без сожаления и раскаяния.

В огромном очаге полыхало яркое пламя. Раздался треск, и обгоревшее полено, свалившись с кучи, выкатилось на пол. Эндрю сделал быстрый шаг вперед и подхватил его за один конец, а затем бросил обратно в огонь. Это дало ему возможность обдумать свой ответ, после чего юноша произнес:

– Полагаю, они этого заслуживали, сэр?

Мужчина медленно кивнул, и по его лицу в неверном блеске свечей мелькнули тени.

– Многие из них – да, вне всякого сомнения. Тебе известно, кто я?

– Нет, сэр, но я бы предположил, что вы управляющий этого поместья.

– Ха! – фыркнул незнакомец. – Мой управляющий Рубен – древняя развалина, но я держу его в доме, поскольку обладаю не только добрым лицом, но и добрым сердцем. Я – Роберт де Соннак, рыцарь, который владеет этим особняком, затерянным в лесу, и отец молодой девушки, которую ты вчера вытащил из реки. Я отлучился по поручению короля, когда произошел этот неприятный случай, собственно, поэтому мои штаны до сих пор испачканы грязью.

– О. – Эндрю не заметил грязи, о которой говорил рыцарь.

Он пребывал в крайнем недоумении. Он не знал, что думать. В Крессинге немало рыцарей, однако юноша не привык вот так беседовать с воинами королевства. Как правило, они коротко отвечали на приветствие, если сын кузнеца набирался храбрости заговорить с ними.

– Поскольку ты спас мою дочь, я назову тебе ее имя, мальчик, а ты затем назовешь свое. Девуцу зовут Анжелика, и я берегу ее как зеницу ока. Услуга, которую ты оказал мне сегодня, значит для меня больше, чем все мои богатства, которых немало. Ее мать умерла от лихорадки

пять лет назад. Анжелика – мое единственное утешение. Однажды какой-нибудь рыцарь, охваченный любовным пылом, придет с пламенем в глазах просить ее руки, и я расстанусь с дочерью, как, собственно, и должно быть. Поэтому дни, которые мне отпущено провести в ее обществе, для меня драгоценны, и я не могу без содрогания подумать о том, что бы произошло со мной, умри она вчера.

– Сэр, ваша любовь к дочери достойна восхищения, – отозвался Эндрю, не зная, что еще сказать.

Эти слова заставили сэра Роберта нахмуриться, и Эндрю запоздало сообразил, что перешел границу. Он торопливо поправился:

– Не поймите меня превратно, сэр, я лишь имел в виду, что большинство рыцарей не питают сильной привязанности к женщинам в своих семьях – их интересуют лишь сыновья.

Хозяин снова медленно кивнул:

– К сожалению, это правда.

Эндрю продолжал говорить, надеясь загладить свой промах:

– Хотя большинство рыцарей, которых мне довелось видеть, не были женаты, они принадлежали к ордену тамплиеров и приняли обет... – Эндрю помедлил, пытаясь вспомнить слово.

– Обет безбрачия? – закончил за него рыцарь. – Так тебе знакомы обычаи тамплиеров?

– Я родом из деревни Крессинг, где у храмовников несколько амбаров, полных зерна. Мое имя Эндрю, сэр, а мой отец – кузнец, работающий на тамплиеров и наделенный почетной должностью сервиента.

– Что ж, я – обычный рыцарь, Эндрю, мирянин. Мне не пристало носить белый плащ с алым крестом, поскольку я не принадлежу к этой секте яростных воинов-монахов, с которыми ты, похоже, так хорошо знаком. Их клятвы непорочности, бедности и покорности выходят за рамки моих собственных возможностей. Я искренне наслаждался браком с моей возлюбленной женой, мне нравится быть богатым, подчиняюсь я лишь одному королю Генриху, а не Великому магистру. Это верно, что тамплиеры, как и госпитальеры, сражаются неистово и безумно и не испытывают страха перед смертью, но, по моему разумению, здоровая любовь к жизни еще никому не повредила. Я не уверен также и в том, что мы не смогли бы обойтись без фанатиков вроде тамплиеров, оставляющих на своем пути в далеких странах кровавый след.

Эндрю почувствовал, как в его душе поднимается волна жаркого негодования.

– Но ведь тамплиеры – защитники беспомощных паломников, сэр, направляющихся в Святую землю. Они спасают многих путников от нападения диких животных, разбойников и язычников.

– Они начали свой путь как защитники слабых, но, похоже, затем расширили устав ордена, чтобы включить в свои обязанности убийство турок-сельджуков и сарацин, с которыми они зачастую сталкиваются в пути. Я так понимаю, ты одобряешь деятельность рыцарей-тамплиеров, в противном случае не рассердился бы на меня за критику в их адрес.

Эндрю осознал, что он вновь переступил черту.

– Сэр, я не осмелился бы проявить подобную непочтительность. Просто... я ведь вырос в деревне и был с детства приучен уважать рыцарский орден тамплиеров. Мой родной отец – их преданный слуга...

В этот миг от двери донесся шум. Роберт де Соннак поднял голову. Эндрю обернулся и увидел тонкий силуэт, стоящий на пороге со свечой, свет которой падал на прелестное лицо. Даже сейчас, со спутанными волосами и в толстом некрасивом шерстяном халате, скрывавшем тело, девушка была так хороша, что Эндрю невольно засмотрелся на нее. Он видел ее однажды, но тогда кожу незнакомки стягивал холод, лицо было бледным и безжизненным, с губ текла речная вода. Теперь же перед ним предстала юная прекрасная девица, чьи спутанные золотистые локоны ниспадали на плечи и грудь.

Она была босая, что сразу же привлекло внимание ее отца. Он нахмурился:

– Возвращайся в постель, Анжелика. Ты еще не вполне оправилась и вместе с тем бродишь по дому, не опасаясь злых дуновений ночи. Даже не прикрыв ноги! Мне стыдно за тебя, дитя!

– Я лишь хотела взглянуть на джентльмена, спасшего мне жизнь, – произнесла девушка, шагнув вперед, – и сердечно поблагодарить его от всей моей души.

Роберт де Соннак приподнял брови, но соизволил ответить:

– Что ж, тогда взгляни на него, дочь моя, но перед тобой не джентльмен. Это лишь неотесанный крестьянин из крошечной деревеньки в Эссексе.

– В тот миг, когда он вытаскивал меня из мокрых, холодных когтей реки, мне было бы все равно, даже если бы он оказался рабом, отец. Как его зовут?

– Очевидно, его имя Эндрю.

– Эндрю, – произнесла Анжелика, глядя юноше в глаза с таким теплом, что он почувствовал, как тает сердце. – Я благодарю тебя от всего сердца за спасение моей жизни. Если ты и впрямь крестьянин, то я должна отметить, ты обладаешь удивительно приятной внешностью...

– Дочь! – последовал окрик ее отца.

– ...и благородной осанкой.

– Благодарю вас, госпожа, – пробормотал Эндрю, вконец обескураженный таким вниманием. – Я рад, что сумел услужить вам.

Ему хотелось сказать ей, что она прелестна, как весенний цветок, что у нее удивительные глаза. Маленький носик прекрасно сочетается с гармоничными чертами и чистой кожей, замечательные руки с хорошенькими ноготками похожи на крылья голубки, а ножки столь малы и изящны, что не нуждаются в обуви, что ее голос столь же красив, как пение соловья. Разумеется, Эндрю не мог так поступить – благородный рыцарь, отец девушки, прихлопнул бы его как муху за дерзость и смелость, и был бы совершенно прав.

– Скажи-ка мне, Эндрю, как получилось, что ты так хорошо плаваешь? Никто из людей моего отца не владеет этим искусством, и даже мой отец, умеющий делать почти все на свете.

– Я научился плавать еще ребенком, когда меня бросили в пруд старшие мальчики.

Ее глаза расширились от любопытства.

– А почему они так дурно поступили с тобой?

– Потому что в деревне говорили, будто роды у моей матери принимала жена колдуна, ее называют ведьмой, хотя она таковой не является.

– Ну, если она помогла появиться на свет такому красивому ребенку, то, должно быть, это очень добрая ведьма, – отозвалась Анжелика.

– Дочь! – снова раздался сердитый окрик. – Юной девушке не подобает вести беседы подобного рода. Если уж на то пошло, это не подобает *любой* женщине. Я растил тебя не для того, чтобы ты превратилась в невоспитанную девицу. Возвращайся в постель. Ты выразила свою признательность юноше, а сейчас делай как велено.

– Да, отец, – произнесла Анжелика, склонив голову, однако прежде, чем выйти из комнаты, тихо произнесла, обращаясь к Эндрю: – Проси, чего пожелаешь. Мой отец богат и очень любит меня.

Роберт что-то проворчал, а Эндрю улыбнулся:

– Я это понял, госпожа, поскольку заметил, что свечи в его поместье сделаны из пчелиного воска, а не из дешевого жира.

Анжелика одарила его в ответ улыбкой – чудесной, впитавшей тепло солнца и блеск лунных лучей, окончательно растопившей сердце юноши.

– А, – произнесла она, – ты смеешься надо мной, но это не страшно, поскольку у меня тоже веселый нрав, верно, отец?

– Отправляйся спать, дитя, – проворчал рыцарь. – Спать, спать, спать.

И она оставила их, унеся с собой нечто большее, чем свет одинокой свечи.

– Итак, юноша, – произнес Роберт де Соннак, – что ты желаешь получить в награду?

Эндрю сразу же вспомнил пророчество о том, что ему суждено стать рыцарем.

– Сэр, это может показаться вам весьма смелым, поверьте, я и сам осознаю дерзость своей просьбы, но мне было сказано, что моя судьба – стать рыцарем. Я желаю этого всем сердцем и душой. Я бы хотел вступить в орден тамплиеров, разделить с ними тяжкий долг охраны пилигримов и сразиться с язычниками на Святой земле.

– Рыцарем? Вот так, и не меньше?

– Мне говорили, сэр, что мои устремления слишком высоки, а потому невозможны.

– Я бы с этим согласился.

– И тем не менее я не согласен на меньшее, сэр, – с жаром продолжил Эндрю. – Мне было сказано, что такова моя судьба, и я буду стремиться к цели до тех пор, пока дышу.

– Эндрю, – произнес сэр Роберт де Соннак, – я не могу дать тебе того, о чем ты просишь, и думаю, ты и сам понимаешь это. Однако кое-что в моих силах. Я могу дать тебе рыцарское облачение и представить одному моему доброму другу, тамплиеру, живущему в Крессинге. Его зовут Гондемар де Блуа. Ты слышал о нем?

Сердце Эндрю бешено забилося при упоминании этого имени.

– Сэр, это один из самых уважаемых рыцарей в Крессинге.

– В самом деле, я знал его с тех пор, как Гондемар был еще сопливым оруженосцем, и всегда чувствовал, что у него несколько завышенное мнение о своих талантах, но это не имеет отношения к делу. Он считает меня своим другом, и это главное. Эндрю, я дам тебе доспехи, доброго коня и письмо к де Блуа, в котором попрошу его сделать тебя своим оруженосцем. Даже если он согласится, я сомневаюсь, что тебе удастся получить более высокий ранг, поскольку ты не благородного рода, но, по крайней мере, ты окажешься среди людей, вызывающих твое восхищение. Вполне возможно даже, ты однажды очутишься на Святой земле и будешь сражаться с сарацинами. И да поможет тебе Бог, поскольку уже более трехсот тысяч рыцарей погибли, пересекая равнины Туркемании, – французов, англичан, немцев, итальянцев, павших жертвами жестокости сельджуков, разбойников и чудовищ. Подумай об этом, Эндрю. Кстати, какого ты происхождения? Ты норманн или сакс?

– И то и другое, сэр. Мой отец норманн, а мать родом из саксонской семьи.

– Хорошее сочетание для нового англичанина. Моя жена была саксонкой. Ну, что ты скажешь в ответ на мое предложение?

– Я... я преисполнен счастья, сэр, но чувствую себя недостойным вашего великодушия. Лишь случайность позволила мне спасти вашу дочь. Я не считаю, что и впрямь заслужил столь щедрую награду. Я не размышлял о своих действиях и бросился в реку без лишних раздумий. Услышал призыв о помощи, перепрыгнул через перила. Мои чувства в полном беспорядке, сэр, поэтому вы должны простить мне слабость моих несвязных слов.

– И все же ты прыгнул не сразу – тебе ведь хватило времени стащить сандалии. Эндрю, мне приятно видеть, что ты обладаешь не только храбростью, но еще правдивостью и скромностью. Смелость чаще толкает людей на безрассудство, нежели на мудрые поступки. Теперь лучше вернись к своим товарищам и скажи, что я вовсе не собираюсь тебя повесить, а затем возвращайся сюда. Командир моих войск даст тебе кое-какие уроки нападения и защиты, но ты не сумеешь научиться многому за столь незначительный срок. Если де Блуа примет тебя на службу – а я почти не сомневаюсь в этом, – он сам продолжит твоё обучение. Ты умеешь ездить верхом?

– Немного, сэр. Я пригонял лошадей к отцу, который их подковывал, – от фермеров и местных жителей.

– Деревенские лошади? – презрительно фыркнул Роберт. – Не чистокровные, как я понимаю?

– Кто позволит деревенскому мальчишке ездить на добром жеребце или породистой кобыле, сэр?

– Верное замечание. Но, по крайней мере, тебе довелось сидеть на лошади, это уже кое-что. Надеюсь, ты быстро учишься, поскольку через месяц я должен оставить мою дочь и отправиться во Францию. Эндрю, ты оказал мне большую услугу, и я глубоко признателен за это. Учись как следует, юноша, и из тебя выйдет толк, даже если ты и не станешь рыцарем.

– Благодарю вас, сэр.

Мысли и вопросы теснились в голове Эндрю, и его душа пела, пока он шел к гостинице, чтобы попрощаться с друзьями. К тому времени, как он добрался до цели, наступило утро и на улицах начали появляться люди. Трое актеров сидели в главном зале, доедая похлебку и запивая ее слабым элем, когда Эндрю вошел внутрь. Они с удивлением уставились на него. Юноша подошел к ним, сгорая от нетерпения поделиться радостной новостью.

Патрик, улегшийся на скамье у огня, произнес своим спутникам:

– Как, по-вашему, его распирает от гордости или самодовольства?

– От гордости, разумеется, – с готовностью произнес Артур. – Для самодовольства у него плечи недостаточно широки.

– Угадайте, что случилось?! – воскликнул Эндрю, едва сдерживаясь.

– Тебя отпустили, сделав предупреждение? – предположил Тоби.

– Я стану оруженосцем! – радостно произнес Эндрю. – Сэр Роберт де Соннак обещал дать мне коня, доспехи и письмо для сэра Гондемара де Блуа, чтобы тот взял меня в оруженосцы.

Трое юношей пораженно уставились на мальчика.

Наконец Патрик произнес:

– Эндрю, ты говоришь серьезно?

– Конечно! Разве стал бы я шутить о таких чудесных вещах?

– Чудесных, – повторил Артур, сбросив ноги Тоби со своих колен, куда тот попытался их пристроить. – Ты хочешь сказать этим, что твоя судьба полна чудес?

Эндрю внезапно стало не по себе.

– Я, наверное, говорю как последний хвостун. Простите, друзья. Я не хотел вызвать в вас зависть, – искренне произнес юноша. – Мне очень жаль, что мы не можем все получить подобную милость – это, разумеется, невозможно.

– Мы сейчас просто позеленеет от зависти – вон как моя шляпа, – лениво протянул Патрик.

– Точно, – согласился Артур, зевнув напоказ. – Позеленеет, как долины Чешира.

Эндрю нахмурился. У него возникло отчетливое ощущение, что актеры не обрадовались этой новости, даже не расстроились из-за того, что его удача превзошла их достижения. К тому же казалось, она не произвела на них должного впечатления.

Тоби наконец объяснил ему, в чем дело.

– Эндрю, – произнес добродушный здоровяк, – ты хочешь сказать, что предпочитаешь тяготы жизни оруженосца вольному быту актера, свободному от всяких обязанностей и странствующему с чудесными спутниками? Впереди ждет настоящий ад, мой дорогой друг, а если потерпишь неудачу, тебя спишут со счетов, даже не задумавшись о твоей дальнейшей судьбе. Если же ты и впрямь пройдешь эту безумную подготовку, тебя запихнут на вонючий корабль и отправят в чужие земли, где местные говорят на варварском наречии, где все не так, как здесь. Оказавшись там, ты, возможно, проживешь достаточно долго, чтобы пожалеть о своей судьбе, но рано или поздно (и скорее всего, рано) тебя поразит какая-нибудь жуткая болезнь, или сожрет лев, или сарацин снесет с плеч твою голову.

– Значит, вам не завидно? – спросил Эндрю безжизненным голосом.

– Ничуть, мой бедный Эндрю, – с улыбкой произнес Патрик. – Напротив, мы бы сочли твое будущее достойным сожаления, дорогой, которую нужно избегать любой ценой. Мы бы

ни за что на свете не захотели стать оруженосцами. Эндрю, я сам из хорошей семьи – мой отец уважаемый шляпник в Стратфорде-на-Эйвоне, и с его влиянием я мог бы с легкостью стать оруженосцем, по мановению его... шляпы. – Артур задорно рассмеялся, и Патрик продолжил: – Но я бы этого не хотел. Это же ад на земле, друг мой. Зачем? Бродить повсюду в железном доспехе, чтобы по шлему лупили мечами и палками, пытаясь выбить из меня дух? А потом отправиться в какую-нибудь забытую Богом страну под палящим солнцем, где рыцарь, считающий своего оруженосца ничтожеством, скормит меня волкам, если так будет ему угодно? Тьфу!

– Но... – выпалил Эндрю, – как насчет долга? А сражаться за Святую землю? А как же храбрость и честь? Не говоря уже о том, что однажды ты и сам мог бы стать *рыцарем*?

– Брось, – произнес Артур. – За одну неделю я успеваю побыть королем, принцем и рыцарем-злодеем с такой черной душой, что равный ему еще никогда не ступал на землю Англии. Сегодня я играю правителя в мистерии «Ирод Великий», завтра Патрик скажет, что мы ставим «Ноев ковчег» и я буду исполнять роль Гласа Божьего. Так что сегодня я правлю миром, завтра – и небом и землей, и при этом, Эндрю, не подвергая свою жизнь и здоровье ни малейшей опасности.

– Но это всего лишь игра. А я бы хотел настоящей славы.

– В таком случае радуйся своей удаче, Эндрю, – произнес Патрик, – но не сожалей и не печалься о тех, кого оставляешь позади. Мы счастливы, занимаясь своим ремеслом, которое любим всей душой. Доброй тебе удачи, мой юный друг. Нам будет не хватать нашей накрашенной госпожи с румяными щеками и трепещущими ресницами. Должен сказать, Эндрю, девушка из тебя получилась куда лучше, чем оруженосец. Ну-ка, скажи для нас всех еще разок свою чудесную строчку: «Поцелуй-ка меня, любимый, ведь мои губы слаще меда, и ты воспаришь вместе с птицами»!

– Не стану я этого делать! – жарко возразил Эндрю. – Мне потребовалась вся смелость, чтобы сказать это перед толпой заросших пьянчуг!

Парни рассмеялись, услышав это, и окружили Эндрю, желая ему всех благ, о которых он только мечтает. Они хлопали его по спине и поздравляли, говоря, что им будет крайне его не хватать, а затем отпустили с добрыми напутствиями, необходимыми тому, кто расстается с друзьями, к которым успел привязаться.

Эндрю оставил актеров и вернулся к дому своего благодетеля. Хозяин представил его старому Фоггерти, который должен был, в конце концов, сопроводить юношу в деревню Крессинг. У старого Фоггерти осталась только одна рука, к тому же он был тощ, как уличный пес, но при этом силен, как вековой дуб. Уцелевшей конечностью он махал мечом не хуже лучших солдат и продемонстрировал мальчику свои приемы, колющие и режущие удары. Старина Фоггерти носил белую бороду, длинную, как копье. Его глаза слезились, но разум оставался острым и цепким, а мышцы – крепкими.

– Однажды я стану слабым, как котенок, – сказал он Эндрю, – и в этот день буду весьма признателен, если ты отправишь меня на вечный покой.

– Я не смогу этого сделать. Я ведь только что познакомился с тобой.

– Вот и хорошо – лучше пасть от руки чужака, а не друга.

– Почему?

Старина Фоггерти не ответил. Похоже, он сочинял подобные поговорки по мере необходимости.

– Хозяин сказал, что тебе понадобится лошадка, – произнес он, ведя Эндрю в конюшню. – Я знаю, о какой он говорил.

– Лошадка – для женщин! – возразил Эндрю. – Я не поеду на какой-нибудь кобыле! Мне обещали жеребца, ведь я рано или поздно буду сражаться с драконами.

– Вот как? С драконами?

Эндрю не раз слышал рассказы о том, что где-то далеко в мире водятся драконы, которые убивают только для того, чтобы услышать человеческий крик.

– Ведь в дальних странах есть драконы, разве нет?

– Да-да, – пробормотал старина Фоггерти, махнув рукой, – так мне говорили, хотя я ни разу не видал ни чешуйки, ни клыка. Говорят, они и у нас были, в Кемри.¹

– Сам видишь, не могу же я выехать против дракона на пони.

Когда старый вояка показал Эндрю скакуна, которого для него выбрал сэра Роберт де Соннак, юноша пришел в восторг. Ухоженный гнедой мерин с высокой шеей, благородной головой и шелковистой гривой. Любой рыцарь счел бы за честь владеть таким скакуном. Эндрю погладил коня по носу. Тот начал рыть землю правым передним копытом, словно отвечая на прикосновение. Эндрю был вне себя от радости при виде подобного щедрого подарка от рыцаря. Настоящий живой жеребец. Притом такой красивый, что любой султан отдал бы кучу драгоценных камней, чтобы заполнить его в свою конюшню. Такого красивого жеребца Эндрю в жизни своей не видел.

– Ты мой, – шепнул он в нервно дернувшееся ухо коня. – Ты мой, и только мой.

– Его зовут... – начал было старина Фоггерти, но Эндрю перебил его:

– Я не хочу знать имя, которым его раньше звали.

– Раньше звали?

– Да. Я сам выберу ему имя. Он ведь теперь мой, значит, у меня есть право назвать его так, как мне хочется. Его имя... его имя... Чародей.

Старина Фоггерти, втянув щеки, причмокнул губами.

– Нехорошее это имя для коня, несчастливое.

– Все равно.

Старина Фоггерти пожал плечами:

– Ну, пусть тогда будет Чародей. Я пока оставлю тут вас двоих, знакомьтесь. Только не пытайся пока кататься на нем. Приходи к нему каждый день сюда, в конюшню, выводи его на свежий воздух, пусть гуляет, ухаживай за ним. Вот когда он к тебе привыкнет и станет считать твой запах знакомым и приятным, можно будет подумать о том, чтобы посадить тебя в седло. Из него выйдет прекрасный боевой конь. Тебе, разумеется, нужно будет прежде стать его хозяином, но я покажу, как это сделать. Что еще? Завтра в десять ты должен быть в большом зале. Сюда придет оружейник, а он не любит ждать.

– А он не слишком высокомерен для простого оружейника? – заметил Эндрю.

Старина Фоггерти снова неодобрительно втянул щеки.

– Слишком высокомерен?! К твоему сведению, его зовут Хельмшмид Австрийский, один из лучших оружейников в мире! Он делал доспехи для королей и деспотов, для императоров и олигархов. Хозяин узнал о том, что он сейчас в Лондоне, и обратился к прославленному ремесленнику с просьбой изготовить для тебя доспехи, которым гордился бы любой принц. Как тебе это, а? Сопливый деревенский мальчишка получит сияющий доспех, вышедший из рук самого Хельмшмида! Тебе будут завидовать рыцари короля, можешь не сомневаться. Хозяин всем сердцем любит свою дочь. Ты спас ей жизнь, он хочет отплатить за доброе деяние и выполнит любую твою просьбу. Я слышал, как он обронил, что очень жалеет, что ты не попросил мешок золота и не ушел с ним, но у тебя есть свои высокие устремления, а? Обязательно нужно было брякнуть, что ты хочешь стать рыцарем.

– Но ведь я действительно этого хочу!

Старина Фоггерти пошел прочь, бормоча себе под нос:

– Высокомерен, да? Похоже, крестьяне становятся уж слишком заносчивыми, куда до них оружейникам...

¹ Кемри – исконное название Уэльса. (Здесь и далее примеч. пер.)

На следующее утро Хельмшмид Австрийский и впрямь произвел на Эндрю сильное впечатление – знаменитый мастер не знал английского языка и обладал весьма резкими манерами. Он поцокал языком, глубоко вздохнул и, наконец, обратился к помощи переводчика. Известный оружейный мастер прибегал исключительно к коротким, отрывистым фразам. Он ни разу не взглянул Эндрю в глаза, пока производил необходимые замеры и подгонял образец. Хельмшмид беседовал исключительно со своим переводчиком. Можно было подумать, что Эндрю вообще нет в комнате и они общаются с каким-то странным созданием, сидящим на балках.

Хельмшмид, похоже, не собирался зря тратить свое драгоценное время на невежественных английских мальчишек, не потрудившихся выучить прекрасный язык его родной страны. И, словно этого мало, Анжелика заглянула в зал, чтобы посмотреть, как идут дела, что несколько выбило Эндрю из колеи. К счастью, больше никто не показывался.

– Achselhohle bequem? – рявкнул оружейник.

– В подмышке удобно? – заорал переводчик.

– Что, простите?

– Под мышкой удобно и свободно?

– Э... думаю, да.

– «Думаю, да» и «да» – это две разные вещи! Наш оружейный мастер как художник. Мы переносим его искусство на твоё тело, молодой человек. Если великий воин спросит нас: «Это доспех от Хельмшмида?», мы скажем: «Да, но тут вот тесновато, когда я поднимаю топор, чтобы срубить голову врагу», моему хозяину будет стыдно за свой труд, верно? Нам нужна точность, молодой человек. Не забывай и о том, что ты ещё юноша. Телу есть куда расти. Значит, нужно больше пространства в доспехе, нежели взрослому мужчине. Нам не нужно «думаю, да», пожалуйста, отвечай точно и внятно. Так под мышкой удобно?

– Немного тесновато.

– Вот! Теперь мы знаем, что сказать мастеру!

И так продолжалось все утро и полдня, пока Эндрю не почувствовал, что он сейчас рухнет от усталости, словно весь день провел в бою, а не примерял доспехи. Вечером он с радостью вышел из поместья, чтобы прогуляться с Чародеем по двору. Он рассказал коню обо всем, что с ним произошло за день, в глазах благородного животного светилось понимание, словно он искренне сострадал мучениям, через которые пришлось пройти его новому хозяину. Юноша готов был поклясться, что пару раз Чародей даже сочувственно кивнул.

– Тебе тоже придется через это пройти, приятель, – доверительно сообщил Эндрю, поглаживая своего коня по шее. – Скакуны тоже носят доспехи.

В глазах жеребца отчетливо мелькнула тревога.

Глава 5

Возвращение в Крессинг

На протяжении следующих нескольких недель старина Фоггерти давал Эндрю уроки высокого искусства убийства врагов Бога, короля Генриха и Англии. Несмотря на наличие всего одной руки, отставной воин по-прежнему мастерски обращался с мечом, кинжалом и – его любимцем – кистенем. Последний представлял собой шипастый железный шар размером с мужской кулак, прикрепленный к короткой рукояти длинной цепью. Воин держал оружие за кистенище, раскручивая шар вокруг головы. Можно было задушить противника, захлестнув горло цепью, или разmozжить ему голову тяжелым ударным грузом.

– Не спеши, не суетись, не надо дергаться и дрожать, юнец. Вращай плавно, спокойно и уверенно, нужны длинные обороты петель. Пусть шар сам захлестнет цепь вокруг его глотки, вот – а теперь души до смерти. Человек, который с почерневшим лицом борется за глоток воздуха, царапая цепь, сражаться в любом случае не способен, и, если придушить его не удастся, можешь ударить напоследок мечом.

Однако Эндрю никак не удавалось постичь принцип использования этого неповоротливого оружия. Хотя Фоггерти не оставлял попыток как следует обучить юношу, тот про себя решил, что никогда не будет использовать нечто подобное в бою. Он предпочитал благородный меч или юркий кинжал. Ему не по нраву было крушить шлемы и щиты железным шипастым шаром. В таких действиях не было грации и изящества. Что до того, как придушить врага, то даже в своем воображении Эндрю было неприятно представлять человека, пытающегося сорвать со своей шеи тугую цепь, в то время как его глаза вылезают из орбит. Удушение – весьма неприятное зрелище, и такая смерть ужасна.

– А как же копье? – спросил Эндрю однажды своего учителя во время тренировки во дворе. – Ты будешь учить меня обращению с копьем?

– Копье – для рыцарских турниров. Тебе разве захочется все время таскать с собой кусок дерева длиной с амбарную балку? Конечно нет. Так что забудь про копье. Оставь его для показухи при дворе английских принцев. Что же до остальных видов оружия... Топор – для жестокости с огромными мышцами и похлебкой вместо мозгов. Посох и дубинка – для неуклюжих крестьян. Лук, может, и благородное оружие, но рыцарям непросто будет натягивать тетиву на полном скаку, громящая доспехами на спине боевого коня. Нет, мой дорогой юнец, ты научишься обращаться с мечом и кистенем, и не ошибешься в выборе...

«Пусть лучше будет меч, – решил Эндрю, – и кинжал на всякий случай, если добрый клинок вдруг подведет».

Довольно часто, тренируясь во дворе, юноша чувствовал, что за ним наблюдают из одного из окон особняка. Вскоре он выяснил, что там расположена комната, в которой Анжелика, прелестная дочь его благодетеля, проводила время днем. Эндрю немало взволновало то обстоятельство, что она находила крестьянского мальчишку достойным своего внимания. Он начал изобретать способы «случайно» встретиться с девушкой, проходя по коридорам особняка и иным редко посещаемым местам. Например, обнаружив, что Анжелика часто по утрам собирает цветы в саду, он «ненароком» оказывался там же по дороге к колодцу. Эти встречи, разумеется, были совершенно невинны, и двое молодых людей лишь обменивались многозначительными взглядами и редкими фразами вроде «Ваш покорный слуга, госпожа» и ответного «Доброе утро, сэр».

Но даже эти простые слова заставляли сердце юноши колотиться чаще, а кровь – стучать в висках. К тому же после них ему обычно представлялся случай снять шляпу с головы и согнуться в низком, изящном поклоне, выдвинув вперед правую ногу, выставя себя в самом выгодном свете. Юноша обладал хорошей, стройной фигурой, позволявшей осуще-

ствить подобное с грацией и элегантной небрежностью. Сердца прекрасных дев нередко можно покорить проявлением хороших манер, и Анжелика – не исключение из общего правила.

Сможет ли он когда-нибудь помыслить о том, чтобы покорить ее сердце?..

Однажды управляющий сэра Роберта де Соннака вызвал Эндрю в библиотеку. Юноша еще никогда не был в этой комнате поместья и был поражен количеством собранных в ней книг и рукописей. У монахов в Крессинге тоже была библиотека, но в ней содержалась лишь малая часть томов, стоявших здесь. Полки и столы были заполнены книгами и свитками. Эндрю открыл огромный рукописный том в кожаном переплете, украшенном золотым тиснением, и взглянул в аккуратные черные буквы на страницах. Читать он, разумеется, не умел, поскольку никогда не ходил в школу, но добрый отец Ноттидж научил его узнавать некоторые буквы. Он увидел «М», звук, который извлекается, когда губы сжаты вместе. А вот чтобы произнести «Л», нужно коснуться нёба языком. «С» походила на изогнутую змею и заставляла шипеть не хуже гадюк. Ах да, и еще замечательная буква «Х», темная, загадочная, таинственная. Крестьяне часто пользуются ею, когда нужно оставить где-то подпись.

– Этот абзац кажется тебе интересным?

Эндрю невольно подскочил, когда за спиной раздался тихий голос, и, обернувшись, увидел своего покровителя.

– Я... я прошу прощения, сэр. Я не повредил бумагу.

Роберт рассмеялся:

– Я рад это слышать. Похоже, тебя очень заинтересовало содержание. Ты умеешь читать?

– Нет, милорд, не умею, – признался Эндрю. – Я выучил лишь отдельные буквы, которые мне показал мой друг монах.

– Ах да. – Роберт сам открыл книгу и взглянул в ровные строки, которыми были покрыты страницы. – Странные, загадочные и волшебные они – эти таинственные закорючки, не так ли? Значки, весьма странные для безграмотных людей, – это маленькие черные ключи к дверям, ведущим в чудесный мир, Эндрю. Но я сомневаюсь, что нам хватит времени обучить тебя тому, как открыть эти двери. Мне потребовалось несколько лет, чтобы научиться читать. Я пытаюсь обучить этому свою дочь, и она продвигается гораздо быстрее меня. Человеку необходимо принадлежать к церкви, чтобы преуспеть в науках, по всей видимости, чтение и письмо присущи лишь церковникам или королю, который располагает временем. У рыцарей голова занята другими вещами, такими, как управление поместьями. А заметки и счета мы оставляем управляющим и писарям.

– Да, милорд.

Сэр Роберт убрал руки за спину, и его лицо приобрело очень серьезное выражение.

– А теперь, Эндрю, я бы хотел поговорить с тобой о моей дочери.

Эндрю бросило в жар, и он почувствовал, как краснеет.

– О, сэр...

– Вот именно, «о, сэр». Одна или две встречи еще сошли бы за случайность, но *каждый* день, Эндрю?

Юноша повесил голову.

– Я... Мне очень жаль, сэр Роберт. Этого... этого больше не повторится.

– Ты считаешь ее красивой?

Тихое «да» больше походило на карканье вороны.

Роберт кивнул, меряя комнату шагами, говоря тихо и сдержанно:

– Она действительно хороша собой, и ее красота одновременно радует меня и является источником постоянной тревоги. Ты знаешь, разумеется, что ей придется выйти замуж за человека, которого выберу я? Да, конечно. И она тоже знает это. Девушки ее возраста, принадлежащие к благородным семьям, смиренно принимают свою судьбу. Конечно, иногда они влюбляются. Остается надеяться, что девушке придется по сердцу ее будущий муж, однако это

происходит далеко не всегда. Полагаю, Анжелика питает привязанность к своему спасителю, то есть к тебе, Эндрю, что вполне естественно. Юноша, готовый на подобное самопожертвование – ты ведь с легкостью мог утонуть и сам, – становится героем для спасенного. Полагаю, она увлечена именно своим спасителем, а не юношей, стоящим сейчас передо мной, и ее взор затуманен восхищением его мужественным поступком.

Помолчав, рыцарь продолжил:

– Эндрю, ты должен выбросить из головы все мысли о том, что однажды, возможно, тебе удастся сделать мою дочь своей невестой.

– Милорд... я слишком молод! – выпалил Эндрю.

– Да, можно и так сказать, но и другие влюблялись в твоём возрасте и оставались верными этой страсти до смерти. Я сам, например... но не будем сейчас вдаваться в подробности и погружаться в прошлое. Факт остается фактом, Эндрю. Как бы я ни был благодарен тебе за спасение ее жизни, я не могу допустить, чтобы это увлечение переросло в нечто большее. Я думал, ты намерен стать тамплиером?

– Да, сэр, это так.

– Тамплиеры приносят обет безбрачия. Это воины-монахи. Уверен, тебе известно главное положение их кодекса? Целомудрие, бедность и покорность. Целомудрие, Эндрю. Тебе нельзя любить, нельзя ухаживать за девушкой, если ты хочешь стать одним из храмовников. Необходимо отбросить все земные помыслы.

– Я знаю об этом, сэр.

– В таком случае твои встречи с моей дочерью прекратятся. Мне не хочется сердиться на тебя, Эндрю, и отправлять тебя к сэру Гондемару, пока ты не будешь готов. Но я не могу допустить, чтобы моя дочь забивала себе голову романтическими глупостями. Надеюсь, мы понимаем друг друга?

– Мы не делали ничего дурного.

– О, в этом я не сомневаюсь, Эндрю, ибо, хотя мне почти ничего не известно о юноше, стоящем передо мной, я хорошо знаю свою дочь и доверяю ей.

– Разумеется, милорд. Я прошу прощения.

– Что ж, молодость остается молодостью. Но тебе необходимо научиться управлять своими желаниями и страстями и стать негибким человеком со стальной волей. Даже в качестве оруженосца тамплиера тебе придется беречь все силы своего тела и разума для защиты паломников, направивших свои стопы к Святой земле. Они гибнут сотнями на пути от Яффы к Иерусалиму от рук разбойников и диких местных племен. Твой долг – спасти как можно больше невинных душ, следовательно, в разуме и сердце должно быть лишь одно устремление.

– Я... Я больше не взгляну на Анжелику, сэр, – произнес Эндрю, уже успевший представить себя бесстрашным защитником паломников и вдохновленный этим образом. – Я посвящу всего себя урокам боевых искусств.

– Вот и хорошо, – произнес Роберт, положив руку на плечо юноши. – Старина Фоггерти говорит, что ты – прекрасный ученик.

– В самом деле? – удивился Эндрю. – А мне он все время твердит, что я неуклюжий дуб с соломой вместо мозгов.

Рыцарь рассмеялся:

– Это для того, чтобы ты не стал слишком самоуверенным. Слушайся старину Фоггерти. Он научит тебя всему, что нужно, чтобы защитить себя, когда ты отправишься в Утремер.

– Что такое Утремер?

– Это название рыцари-тамплиеры дали заморским землям, где они проявляют свои воинские умения – сначала чтобы выжить самим, затем чтобы не дать погибнуть другим. А теперь, несмотря на нашу предыдущую беседу, у меня для тебя есть подарок. Меч. – Сэр Роберт помолчал немного, пристально глядя на Эндрю. Юноша понимал, что его оценивают, но не

знал, с какой целью. Наконец рыцарь продолжил: – Меч рыцаря определяет его как человека чести. Это его знак. Да, он может носить знамя и герб на щите. Но именно меч является символом рыцарства. Поэтому ему нужен добрый меч, надежный и прочный. Который является блестящим примером мастерства, превратившегося в искусство.

Рыцарь отвернулся и протянул руку к предмету, стоявшему позади.

– Вот этот клинок, – продолжил он, снова взглянув на Эндрю, – является именно таким мечом. Он принадлежал мне, но я дарю его тебе.

Эндрю был немного разочарован. Меч из чужой руки, значит? Вне всякого сомнения, сэр Роберт закажет себе новый, чтобы заменить старый. Однако юноша принял из рук своего благодетеля оружие, покоящееся в ножнах, прикрепленных к поясу.

– Благодарю вас, – просто произнес он.

Сэр Роберт, похоже, не заметил отсутствия энтузиазма в голосе юноши, поскольку продолжал говорить:

– Видишь имя, выгравированное на рукояти?

Эндрю опустил глаза и увидел на крестовине слово, которое, однако, ни о чем ему не говорило. На сей раз сэр Роберт обратил внимание на его реакцию.

– Ты не знаешь, в чем преимущества меча, изготовленного Ульфбертом? Нет? Что ж, полагаю, тебе неоткуда было узнать об этом, ты ведь родом из маленькой деревни. И все же я надеялся, что один из тамплиеров мог рассказать тебе об этом. Но нет так нет. Я сам обучу тебя подобным вещам.

Меч Ульфберта – лучшее оружие, которое можно желать, и он остается таковым с тех пор, как викинги и франки узнали этого мастера. Сталь для них поставляется из Персии или страны афганцев, и его можно наточить так, что ни один другой меч не сравнится с ним по остроте. Мечи Ульфберта славятся своей прочностью и надежностью. В мире немало фальшивок и копий, но подлинный меч ценится на вес золота. По крайней мере, если память не подводит меня, именно столько я уплатил за этот.

Эндрю попытался сделать вид, что рассказ рыцаря произвел на него должное впечатление, но в глубине души по-прежнему чувствовал, что ему вручают старую, уже не нужную вещь.

– Благодарю вас, сэр. Я буду хранить и беречь это оружие. Я весьма признателен вам за великую честь, которую вы мне оказали.

Ему удалось вдохнуть в эти слова должное чувство, но сомнения в качестве и надежности меча никуда не делись.

Эндрю вышел из библиотеки, испытывая смешанные чувства. Ему вовсе не хотелось сердить своего благодетеля. Но при этом юноше было неприятно думать, что отныне нельзя будет даже взглянуть на Анжелику, не то что заговорить с ней. Разумеется, он и не рассчитывал в будущем сделать ее своей невестой – ему это и в голову бы не пришло. Однако Эндрю надеялся, что они могли бы стать друзьями. Но теперь понял, что ему не будет позволено подружиться с юной леди, дочерью прославленного рыцаря. Боже упаси, разумеется, он не хотел становиться ее тайным возлюбленным, чтобы обмениваться записками и стихами, желая невозможного. Нет, это *точно* не приходило ему на ум. Возможно, если однажды он все-таки выучится чтению и сочинительству, то сможет посылать *кому-то* подобные записки. Однако Эндрю понял, что в глазах его благодетеля такое поведение выглядит черной неблагодарностью, и укрепился в решимости стать «несгибаемым человеком со стальной волей».

Оказавшись вновь в распоряжении старины Фоггерти, Эндрю принялся за изучение военного искусства с таким рвением, что снес голову с плеч раскрашенного деревянного сарацина. Бывалый воин поглядел на нанесенный чучелу ущерб и начал хлопать не хуже курицы.

– Три недели ушло на то, чтобы сделать эту куклу, – проворчал он, – а ты снес ему башку за полминуты!

– Прости.

– Прости, значит? Тебе нужно будет научиться владеть собой, парень, вспыльчивость принесет смерть. Воин должен оставаться хладнокровным и собранным, а не рубить сгоряча направо-налево. Удары должны быть умелыми и выверенными.

– Но я же срубил ему голову, верно?

– Да, но ведь перед тобой будет стоять не один сарацин, а десять. Если так размахивать мечом, как сейчас, в ярости, только зря растратишь силы и сможешь убить лишь одного, когда нужно прикончить десятерых. Один удар, прямо в сердце, – вот все, что нужно. А не череда рубящих ударов, словно ты дикий зверь с колючкой в зад. – Старик подобрал отрубленную голову и посмотрел на нее, покачивая своей. – Бедный старина Эшфейс. Ушла целая неделя на то, чтобы раскрасить этот замечательный тюрбан. Обратно приставить уже не получится, а? Ты покончил с ним раз и навсегда.

Эндрю снова попросил прощения, но старина Фоггерти не смягчился. Он ворчал до самого вечера.

Наконец наступил день, когда Эндрю пришла пора покинуть поместье и вместе со стариной Фоггерти двинуться к деревне Крессинг. Посеребренный доспех работы Хельмшмида Австрийского был так красив, что захватывало дух. Он ослепительно сиял на солнце, безупречно выкованный и искусно украшенный узорами из позолоты, сходящимися в центре. Рисунки на наплечниках походили на крылья орла, на забрале – на львиную пасть, а на нагрудной пластине красовалось изображение дракона. Каждая деталь – поножи, рукавицы, воротник, наручи, панцирь, набедренники – великолепна и совершенна. Никогда еще Эндрю не видел столь искусно выполненных лат, даже на рыцарях в Крессинге.

– Я буду похож на принца, когда въеду в них в свою деревню! – с восторгом воскликнул юноша.

– Этого в Крессинге ты носить не будешь, – твердо возразил старина Фоггерти. – Ты поедешь вот в этом, – произнес он, показывая ученику старую, изъеденную ржавчиной кольчугу, пару грязных рукавиц и покореженные наколенники и налокотники.

– Что?! – с беспокойством вскрикнул юноша. – Почему?!

– Подумай головой, мальчишка! Ты что, хочешь, чтобы тебя возненавидели сразу же, как ты покажешься в деревне? Хочешь въехать в нее в дорогих доспехах, во всем великолепии? На тебя посмотрят и скажут: «Хвастун! Слишком задирает нос!» Рыцари станут завидовать, а монахи – презирать, считая тебя тщеславным забиякой, каковым ты, в сущности, и являешься. Местные жители поперхнутся негодованием и преисполнятся обиды и отвращения. Они найдут причину сжечь тебя на костре через неделю, а потом будут кидать жребий, кому достанется доспех работы Хельмшмида. С твоей славой колдовского отродья им не нужно будет даже придумывать себе оправдание. Нет, парень, поезжай туда со смирением и достоинством, а доспехи твои я повезу в мешке. Боже всемогущий, мне достался на воспитание сущий младенец! Дай мне сил выполнить это поручение или ниспосли случай избавиться от него.

Эндрю понял мудрость предложения, но вместе с тем был разочарован и обескуражен. В своем воображении он въезжал в деревню, похожий на бога войны, горделивый, могучий, восседая на своем великолепном скакуне Чародее. Он *хотел*, чтобы они поперхнулись от зависти, смотрели на него и чувствовали, что мальчишка, ведьмин выкормыш, лучше их самих. Он и *был* лучше! Он спас жизнь дочери рыцаря и в награду за это получил возможность высидеть, несмотря на свое низкое происхождение, и смотреть сверху вниз на невезучих крестьян. Он, Эндрю из Крессинга, был теперь одним из немногих счастливых, получивших редкий шанс подняться над остальными.

Но при этом юноша понимал, что старина Фоггерти прав. Пруд с утками никуда не делся, готовый принять свою жертву с распростертыми объятиями. Мальчишки могут запихнуть его в подаренные сэром Робертом замечательные доспехи, бросить в воду и сказать: «Посмотрим, как он выплывет оттуда вот в *этом*».

– Ну хорошо. Я напялю на себя эту древнюю кольчугу. Неужели не нашлось другой, новее, и не такой ржавой?

– Мне она сгодилась в пятьдесят третьем, значит, и сыну никчемного кузнеца сойдет. Видишь вот эти погнутые звенья? Один франк попытался проткнуть меня кинжалом, но я задушил его голыми руками, прежде чем ему удалось прорвать кольчугу.

– Значит, это произошло в те дни, когда у тебя еще были целы обе руки.

Старина Фоггерти кивнул:

– Две руки и две ладони.

В юноше внезапно пробудилось любопытство.

– А как ты потерял руку?

– Попал под колесо осадной машины.

– И тебе отрубило руку?!

– Нет, один из палестинских целителей отпилил ее небольшой пилой. Сказал, что рана начнет гнить, если этого не сделать, что зеленая слизь быстро доберется с кровью до сердца, – произнес Фоггерти, ударив себя в грудь, – оно тоже сгниет, и я умру. Они куда лучше разбираются в знахарстве, арабы. Они изучали целительство куда дольше нас. И знают, о чем говорят.

– Значит, так происходит, если разморозить руку?

– Да все, что угодно. Рана чернеет, истекает зеленым и воняет хуже гнилой капусты. Яд проникает в вены, кровь портится и загнивает. А потом попадает в грудь, и твое сердце превращается в комок слизи. Жуткая смерть. Нужно как можно быстрее отрезать поврежденную конечность и запихнуть окровавленный обрубок в пламя, чтобы как следует запеклось и не было болезни. Вот это и сделал для меня арабский целитель.

– Ты его вознаградил за это, разумеется?

– Отдал ему свой лучший рог для меда. Конечно, он из него не пил ни вина, ни эля – их верование запрещает хмель. Но целитель продал его за хорошие деньги, рог ведь был неплохо украшен – золотой ободок по краю и серебряный наконечник на острие.

За время своего обучения Эндрю заметил еще одного юношу, внезапно появившегося в поместье, молодого человека, которого, похоже, очень интересовали его тренировки. Незнакомец – худощавый, гибкий парень – был хорошо одет, значит, никак не мог оказаться простым конюхом или сыном садовника. И еще Эндрю отметил, что юнец держится так, чтобы старина Фоггерти его не видел. Возможно, он приходил из соседнего поместья, чтобы взглянуть на Анжелику. При одной мысли об этом Эндрю ощутил вспышку огненной ревности, которая удивила его самого. Какое ему дело до того, что другой юноша увлекся Анжеликой?

Но ему это все равно не нравилось.

Незванный гость, как заметил Эндрю, всегда приходил с собакой. Но не с сильным, могучим зверем, которым гордился бы любой достойный мужчина. Это была не гончая, не ирландский волкодав, не английская борзая. За ним следовала одна из нелепых комнатных собачек, которых, скорее всего, дарили французским принцам на праздники. Тут Эндрю поразила ужасная мысль: а что, если этот тип и есть принц? Иностранец, приехавший в Англию? Кожа незнакомца достаточно бледна, губы пухлые и алые, вполне сойдет за слюнявого французского принца. Как может он, Эндрю, соперничать с особой королевской крови? У него нет ни единого шанса.

«Да и какая разница? – сердито лгал он сам себе. – Она в любом случае меня не интересует. Я ведь будущий тамплиер».

В следующий раз, увидев незнакомца, сидящего на толстом суку яблони, на которой к зиме не осталось ни единого листа, Эндрю хмуро погрозил ему кулаком.

Неизвестный принц ответил ему тем же и расхохотался.

Эндрю пришел в ярость, он за два фартинга стащил бы юнца с дерева и колотил до тех пор, пока тот не расплакался.

Наконец наступил день, когда Эндрю и старина Фоггерти должны были отправиться в Эссекс, в деревню Крессинг. Эндрю, опустившись на одно колено, почтительно попрощался с сэром Робертом и горячо поблагодарил его за многочисленные милости. Рыцарь, в свою очередь, в сотый раз выразил признательность за спасение жизни своей дочери, а затем дал юноше несколько мудрых советов:

– Не допускай того, чтобы высокомерие захватило твою душу, Эндрю. Всегда помни, кто ты и откуда родом. Не забывай своих родителей и оставайся смиренным и скромным в глазах людей и Бога. Только дурак позволяет себе поверить, будто он особенный и имеет право смотреть свысока на своих ближних. Высокомерие – проклятье рыцаря. Некоторые предпочитают называть его гордостью – гордостью за свою страну, народ, честь. Но не позволяй одурачить себя. Как его ни назови, высокомерие останется высокомерием.

– Я постараюсь, милорд.

Роберт положил руку на левое плечо юноши.

– Я знаю, ты действительно стараешься, мальчик мой, потому что ты мне по душе. Ты хорош собой и обладаешь разумом, а потому, думаю, преуспеешь. Главное – не заносись. Если высокомерие завладеет тобой, оно рано или поздно пожрет твою душу.

Вскоре после этого Эндрю и старина Фоггерти выехали из поместья. Юноша оглянулся, надеясь увидеть прелестное лицо в одном из окон. Но, увы, там никого не было. Он почувствовал, как в душе разливается горечь, ее поток стал лишь полноводнее, когда он заметил того самого распроклятого красавчика, наблюдавшего за его тренировками. Юнец стоял в тени деревьев неподалеку от дороги, по которой ехали Эндрю и его наставник. Старина Фоггерти смотрел прямо перед собой, но молодой человек не мог не заметить настырного незнакомца. Тот помахал ему рукой.

Эндрю нахмурился. И что бы это могло значить? «Прощай, теперь мой путь свободен»?

Он пожал плечами. Что ж, можно и поиграть напоследок в «А мне какое дело?» с этим бледным типом. Он не доставит неизвестному юнцу удовольствия, показав, что его беспокоит присутствие соперника. Придя к этому решению, Эндрю через силу улыбнулся и помахал в ответ, после чего парень бегом скрылся за деревьями и мелкая, никчемная шавка послушно потрусила следом.

– Скатертью дорога, – буркнул юноша себе под нос. – Надеюсь, вас обоих сожрут лесные чудовища.

– Что-что? – встрепнулся старина Фоггерти.

– Ничего.

– Ничего, да? Мне еще не встречался мальчишка, который бы столько болтал ни о чем. Ну что, любитель чепухи, вот мы и в пути. Я должен теперь сказать тебе кое-что. У меня в мешке лежат два очень важных предмета. Один – длинная трубка, второй – маленький колокольчик. Если я умру или погибну в твоём присутствии, пусть меня похоронят там, где упаду.

– Ты не умрешь! – произнес Эндрю, потрясенный этой просьбой. – С чего тебе вдруг умирать?

– Я уже стар, и воры сна грабят меня много лет. Однажды мне суждено умереть, и, возможно, даже сегодня. Послушай, мальчик, это важно. Когда меня похоронят, убедись в том, что трубку проведут из гроба на поверхность земли. Тогда, если я вдруг проснусь, по крайней мере смогу дышать.

– Как ты можешь проснуться, если ты будешь мертв?

– Иногда такое бывает, мертвые порой просыпаются в могилах и оказываются живыми. Бывало, выкопают гроб, а на крышке с внутренней стороны царапины от ногтей. Покойники пытались выбраться.

– Правда?

– Да, чистейшая правда. И ты очень обяжешь меня, если протащишь через трубочку нить и снаружи повесишь этот колокольчик. Тогда если я и впрямь проснусь, то смогу позвонить, и ты меня откопаешь.

Эндрю попытался на секунду представить себе, что он стоит у могилы старины Фоггерти и тут вдруг начинает звонить колокольчик. Хватило бы ему смелости выкопать гроб? Он в этом сильно сомневался. Может, те типы, царапавшие крышки гробов, вовсе не проснулись от сна, а стали неупокойниками? Он ведь уже повстречал двоих мертвецов, и нельзя сказать, чтобы зрелище пришлось ему по вкусу. Эндрю до сих пор иногда снились кошмары. На тех, кто затерялся между жизнью и смертью, невозможно смотреть без содрогания. Эндрю помнил ужасные глаза с загнанным выражением, из которых на тебя словно смотрели все силы ада. Их лица были пусты и безжизненны, отвратительного серого землистого цвета, а рты походили на мокрые дыры, ведущие в никуда. С другой стороны, сможет ли он устоять перед призывом колокольчика? Тоже вряд ли. Какой кошмар!

– Обещай мне, мальчик.

– Э-э... Я постараюсь.

– Постараешься?! – Старина Фоггерти обернулся и посмотрел парню в глаза. – О нет, ты не просто *постараешься*. Пообещай, что откопаешь меня и вернешь в этот мир. Каково, по-твоему, оказаться похороненным заживо? Я тебе скажу – это ужасно. К тому же чего тебе бояться? Там ведь, глубоко в могиле, буду лежать я, а не чудовище из Аннона!

Эндрю знал, что такое Аннон – древний ад, из тех, в существование которых верили кельты. В этом месте гуляют морозные ветры, там всюду снег и лед, и ужасные чудовища бродят в поисках мертвецов, чтобы пожрать их души. Если старине Фоггерти было предназначено сойти туда, тогда у него, Эндрю, не останется выбора. Придется откопать его как можно быстрее, прежде чем старика поглотит подземный мир зимы и яростных падалыщиков, пожирающих души мертвых и их плоть.

– Ты валлиец, старина Фоггерти?

– Должен признаться, да, мальчик.

Они остановились на ночлег в трактире в Челмсфорде. Эндрю надеялся снова встретиться со своими друзьями-актерами – Патриком, Тоби и Артуром, но их нигде не было видно. Им с Фоггерти досталась маленькая, узкая комната с маленькой длинной постелью, в которой они едва уместились. Эндрю совершенно не понравилось, что мозолистые, жесткие ноги старика то и дело касались его собственных, поэтому он свернулся калачиком, стараясь занимать как можно меньше места. Посреди ночи его разбудило ворчание компаньона:

– Один из них здесь, это уж точно.

– Один из кого? – сонно поинтересовался Эндрю.

– Из воров сна.

Юноша припомнил, что Фоггерти уже упоминал о них сегодня днем, но тогда не придавал его словам особого значения. Старый воин то и дело говорил странные и непонятные вещи.

– А кто они такие?

– Те, кто не может заснуть сам и потому крадет сон других, – проворчал Фоггерти. – И один из них находится в этой гостинице.

Эндрю открыл глаза. В комнате царила тьма, хоть глаз выколи. Ни огонька, ни лучика, ни блика. Он уставился в темноту.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я сам не могу заснуть! Будь прокляты его глаза и печень! – прорычал старик. – Надо бы подняться, разыскать его и положить конец этому безобразию!

Эндрю представил себе, как старина Фоггерти бродит по трактиру, заглядывая в спальни в поисках подходящей жертвы, а потом развязывает драку, которая, весьма вероятно, закон-

чится убийством. Не самая приятная мысль. Эдак они могут загоститься в тюрьме у местного шерифа. А то и закончить свой путь на виселице.

– Послушай, лучше займи немного сна у меня, – предложил юноша, садясь на постели. – Я уже отдохнул, и сегодня мне больше не понадобится.

– И как я должен это сделать, парень?

– Закрой глаза, расслабься, и он сам к тебе придет. Я так делал раньше, когда мой отец не мог заснуть от усталости.

– Ладно, но, если это не сработает, я найду вора и отберу у него свой сон!

Эндрю сидел на постели в темноте, глядя в ту сторону, где лежал его пожилой спутник. Немного позже он с облегчением услышал громкий храп, доносившийся с противоположного конца узкой, длинной кровати. Его уловка сработала. Убедив старину Фоггерти в том, что можно занять сон у другого человека, Эндрю заставил его успокоиться, расслабиться и отправиться в мир сновидений – какой из них ни был бы ему близок. Хорошо, что они доберутся до Крессинга уже завтра по хорошей дороге, ведущей к деревеньке под названием Сильвер-Энд. У юноши не было ни малейшего желания провести еще одну ночь, гадая, не вскочит ли старик, взбудораженный очередным суеверием, и не кинется ли на соседей с кинжалом. Что, если в следующий раз ему почудится, будто это Эндрю ворует его сон? Эта мысль заставила его содрогнуться.

Наступил рассвет, и они, как следует позавтракав, отправились в путь. Сегодня миновали канаву, в которой Эндрю ночевал не так давно по дороге в Лондон, считая себя самым несчастным человеком в мире, в жизни которого только лишения и беды. Нищий оборванец, он замерз, промок и умирал от голода, дрожащие ноги походили на тощие сучья. Теперь же Эндрю ехал мимо на прекрасном скакуне, сытый, свободный от забот. Как быстро все может измениться в этом мире! Конечно, с тем же успехом Эндрю мог умереть от голода, утонуть в Темзе или повиснуть на виселице по приказу разгневанного и охваченного скорбью Роберта де Соннака, если бы ему не удалось схватить его дочь за волосы в тот знаменательный день и Анжелика утонула бы.

Двое странников приблизились к деревне Крессинг к полудню. Над верхушками деревьев показались крыши двух огромных амбаров, возвышавшиеся над домами. Снег легким покрывалом устилал землю, поднялся ледяной ветер, поэтому оба всадника поспешили завернуться в шерстяные одеяла. Дыхание вырывалось из ноздрей скакунов холодными зимними цветками. Лицо Эндрю покраснело от мороза, но он не замечал этого, погружившись в переживания, испытывая одновременно волнение и страх. Как его примут? Деревенские жители выгнали ненавистного юнца из Крессинга, потому что он серьезно ранил одного из всеобщих любимцев. Будет ли это обвинение иметь прежнюю силу? Поможет ли рекомендация Роберта де Соннака сдержать разъяренных волков?

С другой стороны, здесь еще его родители. Эндрю отчаянно соскучился по отцу и матери. И по сестрам. Он очень привязан ко всем членам своей маленькой семьи. Покидая деревню, юноша был уверен, что больше никогда не увидит их. Родители всегда так добры к нему, а он подвел их, набросившись на Гарольда. И не имело никакого значения, что тот сам во всем виноват: на родителей обидчика наверняка накинута с обвинениями и оскорблениями, поскольку их сын напал на одного из лучших парней в деревне. Вне всякого сомнения, Гарольд за это время стал еще выше и сильнее, он и раньше обладал крепким сложением. Всем нравятся красивые, широкоплечие молодые люди, которые обращаются к старшим с уважением. Зато никто терпеть не может худых юнцов, хвастающих, что они лучше остальных и однажды непременно прославятся на весь мир.

– Мы на месте? – пробормотал старина Фоггерти.

– Мы на месте, – отозвался Эндрю, чувствуя, как от волнения учащается дыхание. – Это Крессинг.

Старина Фоггерти указал на два высоких строения костлявым пальцем:

– Нравятся мне эти амбары. Я их видел издалека. Честно сказать, не встречал еще таких огромных хранилищ, мальчик. С такими размерами они могли бы быть и замками. Целых два, а? Наверное, не один год их строили. Балки толщиной с вековой дуб, по виду стены наверняка не уступают Трое. Эти храмовники и вправду богаче турок, раз смогли соорудить такие амбары.

– Тамплиеры бедны, старина Фоггерти, как тебе известно.

– Каждый сам по себе – да, но их орден богаче иных султанов.

Эндрю вернулся в деревню, из которой его не так давно выжили. Вот дом башмачника Джошуа. А вот лачуги работников в поле. Дальше находится маленький монастырь, над его трубой вился серый дым. А вот и обнесенный стеной сад – его убежище в детстве, здесь он часто находил покой в компании отца Ноттиджа. И все же деревня почему-то казалась маленькой теперь, после того как Эндрю поглядел на города. Она словно съежилась. И люди казались маленькими, совсем незначительными. Они словно вдруг стали серыми, скучными и подавленными. Жизнь здесь столь однообразна, что их оставалось только пожалеть. Местные не видели того, что повидал он, – Лондона.

И все-таки здесь его дом, место, где он вырос, и в душе Эндрю снова вспыхнула тлеющая искра нежной привязанности. Он въехал в деревню по главной дороге, пытаясь не вглядываться в затянутые пузырями окна. Многих людей на улице Эндрю узнал, они с любопытством смотрели на его лошадь, не поднимая глаз на лицо всадника и не признав в нем одного из своих отвергнутых сыновей.

Наконец один из жителей деревни посмотрел вверх и удивленно вскрикнул. После этого Эндрю не смог бы расслышать ни единого звука за биением собственного сердца. Как только его узнали, остальные жители побросали свои дела, неприкрыто глаза на сына кузнеца. В их числе и Гарольд, стоявший посреди дороги с открытым ртом. Эндрю ожег своего старого врага гневным взглядом, по крайней мере он надеялся, что так выглядит со стороны. Тот только моргнул, не веря собственным глазам. Один из юнцов выронил охапку хвороста, собранного в лесу для костра, и помчался прочь, скорее всего, рассказать остальным о возвращении ведьминог выкормыша.

Жизнь Анжелики де Соннак внезапно снова стала серой и пустой. Загадочный гость их поместья, юноша, спасший ей жизнь, уехал. Больше не было необходимости переодеваться в мальчика. Она с наслаждением решила на этот маскарад, чтобы наблюдать за тем, как Эндрю тренируется в своих великолепных доспехах, поражая мечом деревянных противников. Теперь в ее душе поселилась глубокая печаль. Но вскоре Анжелика оправилась. Что ж, у нее будет масса времени спланировать следующую выходку. Прекрасно сознавая, что своими шалостями она причиняет отцу немало беспокойства, Анжелика ничего не могла с собой поделать – ее жизнь станет слишком скучной, если в ней останется место только для вышивки и вязания.

Глава 6

Оруженосец

Как и подобает рыцарю, принадлежащему к славному ордену тамплиеров, сэр Гондемар де Блуа жил весьма просто. Разумеется, не в жалкой лачуге, но его жилище ничуть не походило на поместье Роберта де Соннака. Эндрю знал, где живет его предполагаемый господин, и отвел старину Фоггерти к нужному дому. Сам юноша остался снаружи с лошадьми. Старины Фоггерти не было довольно долго, затем из дома вышел слуга и сказал Эндрю, что его зовет хозяин. Тут же появился конюх и увел лошадей в конюшню на заднем дворе. Эндрю вошел в зал и обнаружил, что его наставник сидит за столом с рыцарем средних лет перед пылающим очагом. Похоже, они сытно пообедали – гончие, лежавшие на полу, негромко похрустывали костями.

«По всей видимости, – подумал Эндрю, – меня будут кормить после собак».

– Эй, мальчишка, поди-ка сюда! – приказал сэр Гондемар. – Я желаю взглянуть на тебя. Эндрю вышел вперед и встал перед рыцарем.

Гондемар – высокий смуглый мужчина с темными блестящими глазами и следами от оспы на лице, особенно на носу и щеках. Волосы рыцаря были густыми и черными как смоль, и он носил недлинную бороду. В руке сэр Гондемар сжимал лист пергамента. На его лице застыло суровое выражение. Он снова проглядел письмо сэра Роберта, а затем поднял взгляд на юношу, стоящего перед ним.

– Вы знаете меня, сэр. Я прежде жил в деревне.

Это заявление было встречено презрением и насмешкой.

– Знаю *тебя*? Почему я должен знать крестьянина, который даже не служит в моем доме? Сердце Эндрю сжалось.

– На то нет причин, милорд.

– Вот именно. Или я должен узнавать на улице женщину, которая стирает мне белье, или увальня, кормящего моего коня?

Старина Фоггерти почтительно кашлянул и прервал рыцаря:

– Это называется «феномен», сэр.

– Что?

– То, как мальчик уверен в том, что вы его узнаете. Видите ли, *он* знает вас превосходно, поскольку не раз видел, как вы проезжаете по деревне. Поскольку вы – весьма видная фигура, к тому же хорошо ему знакомая, невежественный разум утверждает, что вы друг другу известны. Разумеется, это далеко от истины. Великие люди часто страдают от подобных заблуждений черни.

Эта речь, похоже, пришлась сэру Гондемару по душе, поскольку в ней невежественный разум утверждал, будто он – великий и знаменитый человек.

– Да, вполне. Я начинаю видеть здесь связь. – Он снова повернулся к Эндрю. – Ты желаешь стать моим оруженосцем?

– Если так вам будет угодно, сэр.

– Мне это не угодно, и мне это не неужодно. Это по большому счету не имеет никакого значения. У меня уже есть два оруженосца, так что еще один ничего не изменит. Тебя хоть чему-нибудь учили?

– Да, сэр. – Эндрю покосился было на старину Фоггерти, но тот еле заметно покачал головой, поэтому юноша не стал называть имени своего наставника. – Сэр Роберт де Соннак по доброте своей дал мне некоторое обучение. Я знаю, в чем заключаются обязанности оруженосца, милорд.

– И в чем же?

Эндрю без труда перечислил их:

– Носить доспех рыцаря, щит и оружие. Нести знамя рыцаря. Помогать рыцарю облачаться в доспехи. Спасти рыцаря, если его захватят в плен. Защищать рыцаря, если ему грозит смертельная опасность. Охранять пленников, которых может захватить рыцарь. Отнести рыцаря в безопасное место и оказать помощь, если он получил раны или потерял коня. – Эндрю помолчал немного, а затем добавил: – И убедиться в том, что рыцаря похоронят достойно и с почестями, если он падет в бою.

– Очень важная обязанность – последняя из названных, – произнес Гондемар, взмахнув куриной костью перед носом у Эндрю. – Не то чтобы я собирался погибнуть в ближайшем будущем, конечно. Но никому неведомы пути Господни. Ладно, ты стодишься для службы. Будешь жить с другими моими оруженосцами в задней части дома. Одного звать Гарет, а тот, второй... не припомню его имени, сам выяснишь. Да, ты кажешься голодным, вот, держи, – он бросил Эндрю полковриги хлеба и куриную ножку, – погрызи. И вот еще. – С этими словами он кинул юноше обмякший мех с вином, точнее, из-под вина, поскольку на дне плескались только осадки.

Однако, не успев отпустить своего нового оруженосца, сэр Гондемар снова подозвал его к себе, глядя на меч, висевший на боку у юноши:

– Дай-ка взглянуть!

Эндрю извлек клинок из ножен и протянул его рыцарю рукоятью вперед.

На лице сэра Гондемара отразилось крайнее удивление, от суровости не осталось и следа, стоило ему прочесть буквы на рукояти. Затем он легонько коснулся пальцем лезвия. На коже осталась тонкая алая полоска, не толще швейной нити. Эндрю и сам знал, что меч остр, как грань тени. И очень прочен. Тяжелый камень однажды отскочил от лезвия, словно пущенный из катапульты.

Рыцарь перевернул меч, внимательно рассматривая его.

– Это одна из дешевых железных подделок? – спросил сэр Гондемар.

– Я не знаю, сэр, – отозвался Эндрю, также устремив взгляд на меч. – Я получил его из рук сэра Роберта. Он принадлежал ему.

– Клянусь Богом, – выдохнул сэр Гондемар, вспарывая клинком воздух, – это и впрямь *его* Ульфберт! И он *отдал* его тебе? Подлинного Ульфберта?

Он посмотрел на Эндрю с новым выражением, смахивающим на неприязнь.

– Ты счастливчик, парень. Если решишь продать этот клинок, приходи сначала ко мне. Слышишь?

– Не думаю, что я мог бы продать его, сэр. Это подарок.

– Что ж, когда мы отправимся в Утремер, ты наверняка обрадуешься золотишку, а я заплачу за него чистым золотом. Оказавшись в заморских странах, ты, скорее всего, почувствуешь, что влияние сэра Роберта ослабевает, и решишься поступить со своим оружием так, как пожелаешь, а? Я в этом уверен. За те деньги, которые ты получишь от меня, ты сможешь купить добрый меч вместо этого, и при этом еще останется изрядная сумма на хорошую одежду и добрый кутеж. Сказать по правде, мальчик, этот меч не для тебя. Отдавать его оруженосцу – напрасная трата. – Зависть в его голосе слышалась столь отчетливо, что спутать ее с другим чувством было невозможно. – Только помни, придешь сначала ко мне и ни к кому больше, иначе будешь искать себе другого хозяина, ясно?

– Я понял вас, сэр.

– Вот и хорошо.

Меч с неохотой был возвращен владельцу.

После этого Эндрю смог уйти. Судя по всему, меч производил весьма сильное впечатление на всех, кроме него самого. Возможно, пора начать восхищаться своим оружием? Похоже на то. Юноша вышел из зала и нашел управляющего, который показал ему небольшую ком-

натку, целиком сложенную из камня, располагавшуюся сразу за кухней. Что ж, по крайней мере, в ней всегда было тепло – к одной стене примыкала печь. В своем новом жилище Эндрю обнаружил двух юношей лет четырнадцати от роду. Один высокий и крепкий, с перекошенной челюстью. Второй по фигуре больше походил на самого Эндрю.

– Ты кто такой? – спросил здоровяк, когда Эндрю вошел в комнату. – И почему не стучишь?

– Я теперь живу с вами, – сообщил новоиспеченный оруженосец. – Ты, должно быть, тот, второй.

Оба юноши недоуменно уставились на него, и Эндрю пояснил:

– Рыцарь сказал, что я буду жить с Гаретом и тем, вторым.

Гарет ухмыльнулся и с сильным валлийским акцентом сказал своему приятелю:

– Он все время забывает твое имя.

– Но почему?! – воскликнул здоровяк, продолжая усердно полировать нагрудную пластину, лежавшую у него на коленях. – Ведь меня зовут Гондемар, точно так же, как его самого!

– Ну вот, пожалуйста, именно поэтому, – отозвался Эндрю, снимая шерстяное одеяло. Капли, оставшиеся от растаявшего снега, стекли с его одежды и усеяли пол и узкую кровать у стены. – Ему не может нравиться человек, которого зовут точно так же, как его самого. Он ведь считает себя особенным. Почему ты не сменишь свое имя и не назовешься, к примеру, Джоном?

– Меня нарекли в честь богатого дядюшки, – проворчал юноша, – который в итоге не оставил нам ни единого пенни в своем завещании. Ты прав, надо сменить имя. Отныне я стану Джоном.

– Итак, Гарет, Джон, меня зовут Эндрю. Я третий оруженосец рыцаря. Где я буду спать?

– Где хочешь, неряха, – беззлобно отозвался Гарет. – Слушай, занимай-ка лучше вон тот угол. Тебе понадобится кровать и солома для тюфяка.

– Кто-нибудь из слуг принесет. Я устал. Я весь день провел верхом на своем коне, Чародее.

Юноши одарили его завистливыми взглядами.

– А нам приходится ездить на пони сэра Гондемара. У тебя есть собственный конь? – спросил Гарет. – Значит, ты из богатой семьи?

– Нет. – Эндрю решил не скрывать правды. – Я сын местного кузнеца, так что у меня были не слишком хорошие перспективы. Но мне посчастливилось вытащить юную дочь рыцаря из реки, и так я заработал свое право стать оруженосцем. Отец девицы подарил мне коня, доспехи и возможность чего-то добиться в жизни.

– А, так ты не из благородных? Мой отец рыцарь.

– Только очень бедный, – добавил Гарет, – а вот мой отец барон, и ему принадлежат обширные земли.

– Зато сплошь камни да холмы, ни одного приличного луга, – сказал вновь нареченный Джон.

– Но все-таки я из *благородного* рода.

Они оба одарили Эндрю самодовольными взглядами, и тот осознал, что низкое происхождение сделало его самым незначительным из троих оруженосцев сэра Гондемара. Впрочем, он этого и ожидал. Нельзя *заслужить* право стать рыцарем. Для этого нужно родиться в благородной семье. Эндрю прикусил язык. Нет нужды спорить с ними. Он тот, кто он есть, и этого ничто никогда не изменит, особенно в Крессинге, где он родился и рос. Воспоминания о том, кем он был не так давно, не оставят его в покое. Здесь его дом, отец и мать. Эндрю знал, что будет выдавать свое происхождение каждый раз, здороваясь со своими родителями. И деревенские забияки продолжают насмехаться над ним, пока он не научит их уму-разуму. Эндрю сообразил, что его неприятности вовсе не закончились, напротив, только начались.

– Ладно, – произнес он, – двое лакеев и крестьянин, пусть так. Уверен, мы прекрасно поладим, невзирая на это, верно?

– Если, конечно, ты это выдержишь, – произнес Джон.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы не можем нести щит сэра Гондемара втроем.

Соперничество. Они говорят о постоянном соперничестве друг с другом. Ну разумеется. Лучшие поручения будут отдаваться любимому оруженосцу рыцаря, и самое почетное из них – нести щит. Эндрю неожиданно осознал, что хочет нести щит своего господина ничуть не меньше своих товарищей. Они могут сохранять между собой дружеские отношения, но, как только дело дойдет до их положения при сэре Гондемаре, трое приятелей превратятся в непримиримых соперников. Без сомнения, все они мечтают об одном – стать рыцарями, а для этого необходимо покровительство хозяина и господина. Он не может оказать эту услугу всем троим.

– Но мы ведь можем оставаться друзьями, разве нет?

Когда двое других молча вернулись к своим делам, Эндрю понял, что ответ отрицательный.

Позже тем же вечером Эндрю вызвали в зал, где его ждали сэр Гондемар и старина Фоггерти. Там новому оруженосцу перечислили основные обязанности. Юноше очень хотелось спросить, будет ли ему однажды дозволено нести щит рыцаря, но инстинкт подсказывал, что не следует столь прямолинейно. В конечном счете все решат терпение и время. Не так давно он был никем. Теперь Эндрю из Крессинга – оруженосец одного из самых влиятельных рыцарей в местном оплоте ордена тамплиеров. Нужно быть благодарным за это и не лезть на рожон.

– Дозволено ли мне навестить своих родителей, сэр? – спросил он рыцаря, который, услышав этот вопрос, удивленно поднял бровь.

– Если хочешь, да, но они уже знают, что ты здесь.

– Я лишь хотел бы попросить у них прощения за то, что сбежал из дома, не оставив им сообщения.

Сэр Гондемар весело фыркнул:

– Подозреваю, они догадались, почему ты смылся, оруженосец, – ты ведь проломил какому-то парню голову камнем.

– О, вы слышали об этом?

– Слухи разносятся так же быстро среди великих людей, – произнес Гондемар больше для старины Фоггерти, нежели отвечая на вопрос оруженосца, – как и среди черни, и никогда не проходят мимо ушей важных господ. Твой проступок был известен мне задолго до того, как ты вернулся с письмом.

– Заслуживаю ли я наказания? – с интересом спросил Эндрю.

– Непременно. Если бы ты вернулся таким же, каким сбежал, ты бы получил по заслугам, – отозвался Гондемар, – но, поскольку ты прибыл сюда почти героем, все прощено и забыто.

Эндрю был счастлив услышать это. Он вышел из зала и, прихватив с собой факел, направился к дому своих родителей. Когда он вошел, они сидели за потертым столом, ужиная хлебом и сыром при свете свечей. Первым приветствовал юношу охотничий пес Беовульф, который тут же насторожил уши и радостно завилял хвостом. Наконец вернулся его любимый человек! Красивый пес золотистого цвета вскочил с пола и бросился к Эндрю, едва не сбив его с ног. Юноша рассмеялся, почесывая его за ухом. Остальные члены семьи невозмутимо наблюдали за этой сценой, не прекращая жевать.

Сладив с собакой, Эндрю повернулся к родителям. Его отец спокойно пил эль из кружки. Младшие сестры юноши, Рейчел и Мэрион, запищали, указывая на него. Мать Эндрю приподнялась было со своего места, но отец жестом велел ей сесть. Сам же он обратился к сыну лицом, испещренное ожогами от искр и раскаленных частиц железа.

– Ну, Эндрю?

– Прости, па. Я оставил монаху послание, чтобы вы знали, почему я сбежал.

– Ты пытался убить этого Гарольда. Потому и сбежал.

– Это неправда, па. Я просто защищался. Остальные забили бы меня до смерти, если бы я этого не сделал.

Отец повернулся к сыну всем телом – весьма массивным, с широкой, мощной грудью и мускулистыми руками.

– Твое главное преступление в том, – произнес кузнец, – что ты не довел дело до конца.

С этими словами он громко расхохотался, стуча по столу ладонью. Тарелки и кружки подпрыгивали и дребезжали.

– Ты же говоришь не всерьез, отец, – произнес Эндрю. – Мне очень жаль, что я доставил тебе беспокойство, мама. А вы обе, – произнес он, погрозив пальцем своим сестрам, – не позволяйте им обижать вас, когда идете к колодцу. – Он гордо выпятил грудь. – Я теперь оруженосец сэра Гондемара де Блуа. Однажды я стану прославленным рыцарем, и тогда все мы будем есть виноград из серебряных тарелок.

– Это было бы славно, – пробормотала его мать, – а пока присядь за стол и перекуси козым сыром, который делают монахи. Это добрая пища, она поможет тебе стать еще выше и красивее. – Женщина робко улыбнулась. – Так ты в самом деле стал оруженосцем, Эндрю? Боже правый, это явное достижение, верно? Мы все очень гордимся тобой, очень, хотя другие жители деревни... Они ведь ничего не понимают, верно? У них какие-то глупые представления о... садись, сынок, садись. Сюда, рядом с отцом. Вот так, смотри, как он тебе улыбается. Рейчел, перестань хихикать, это не пристало девице. Мэрион, вынь палец изо рта. Вот так. – В ее голосе отчетливо прозвучало удовлетворение. – Наконец вся семья вместе, за одним столом.

Она широко улыбнулась, моргнула и неожиданно разразилась слезами, закрыв лицо фартуком. Разумеется, все остальные наперебой бросились ее утешать, понимая причину этих слез – ушедший сын, которого она считала навеки потерянным, вернулся домой, целым и невредимым. Более того, получив при этом очень высокий для сына кузнеца статус – оруженосца при рыцаре.

– Слишком много новостей для одного вечера, – выдавила она, всхлипывая, и пообещала, что к утру сумеет взять себя в руки и осознать эту чудесную перемену. – Но, – прибавила она, успокоившись, – ты должен сходить к крестной и поделиться с ней этой доброй вестью.

– К кре... – Эндрю побледнел. – А, ты говоришь о *ней*. Но... но ведь она жена чародея. И все, что она сделала, – помогла тебе, приняла роды. Это ведь не делает ее моей крестной, верно?

– Она присутствовала при твоём крещении, которое проводил добрый отец Ноттидж, глубоко в лесу, зачерпывая воду из родника. Поэтому, сын мой, она, вне всякого сомнения, твоя крестная. Ты должен навестить ее и чародея и рассказать им о свалившемся на тебя счастье.

– Но если он и впрямь чародей, – прервал ее отец, – то он и без того уже знает о случившемся, верно?

– Дело не в этом, а в хороших манерах, – возразила мать. – Важны вежливость и манеры.

– Ах, это, – пробормотал отец.

– Я зайду к ним завтра, мама, – пообещал Эндрю, которому совершенно не хотелось выполнять этот долг в темное время дня. – Когда будет светло. А отец Ноттидж говорил вам о том, что я встретил двух мертвецов в лесах? Я действительно видел их и совершенно не желаю пережить нечто подобное, поскольку это ужасное зрелище. Так что я лучше отправлюсь к крестной с утра, если это всех устроит, а сегодня развлеку сестер страшным рассказом о том, как гниющая плоть свисала с пожелтевших костей, а в ухмыляющихся черепах зияли пустые глазницы.

Девушки уставились на брата круглыми глазами.

– А может, и нет, – пробормотал он. – Давайте лучше поедем.

Пока семья кузнеца предавалась своему скромному, но сытному пиршеству из сыра и хлеба, юноша чуть младше Эндрю познакомился с Патриком и его друзьями. Именно такой спутник и был им нужен – с длинными светлыми волосами, ярко-голубыми глазами и кожей, бледной, как омытое морем и опаленное солнцем дерево. Тело юноши было стройным и даже, пожалуй, хрупким. Патрик, Артур и Тоби повстречали его на дороге, ведущей к Кембриджу, и тут же предложили ему присоединиться к ним, так как им был отчаянно необходим четвертый актер на роль прекрасной дамы.

– Да, я могу побыть для вас девчонкой, если надо.

Он прекрасно исполнял женские роли – с таким-то свежим личиком и лазурными глазами это совсем несложно, но вскоре актеры выяснили, что парень немного не в себе.

– Откуда ты родом? – спросил Патрик.

– С небес, – был ответ.

Патрик покосился на своих товарищей, которые только округлили глаза и пожали плечами, но смолчали.

– С небес, значит? И что ты там делал?

– Меня зовут Томас. Я ангел.

– Ах, ангел... Не архангел, нет?

– Нет, сэр, обычный ангел, но я могу благословить всю вашу труппу, если вы того желаете.

У меня есть незначительная божественная сила.

Патрик произнес в ответ:

– Если тебе так угодно.

Благословение было с готовностью дано.

Они двинулись по дороге дальше, и Тоби спросил:

– А как ты спустился сюда с небес?

– Упал.

– Вот оно что, – ухмыльнулся Артур, – так ты *падиший* ангел.

Но теперь голубые глаза, исполненные неожиданной ярости, устремились в его сторону, и шутник невольно споткнулся. Томас отнюдь не дурачок. Более того, оказался довольно смышленным парнем.

– Не в этом смысле. Я просто не удержался на облаках.

– И каково там, наверху? – не удержался Тоби. – Там есть музыка?

– Подобной вы здесь никогда не слышали. Она зачаровывает соловьев и погружает их в молчание, так как они знают, что их щебет не сравнится с ее красотой. А как там поют! Какие мелодии извлекаются из небесной арфы и лютни!

– А как насчет танцев?

– Это не разрешается, – просветил их всех Томас.

– Какая жалость, – посетовал Артур, – а я так люблю попрыгать в задорном танце!

– А крылья твои где? – поинтересовался Патрик. – Разве тебе не полагается иметь крылья?

– У одних они есть, у других нет. Если бы у меня были крылья, я бы не упал, как по-твоему?

С этим доводом Патрик был вынужден согласиться.

– Да, это логично. Но кто я такой, чтобы ставить под сомнение логику ангела?

Тоби неуверенно задал главный вопрос:

– А ты видел?.. Ну, знаешь?..

– Его? Нет, конечно. Мне бы не хотелось навсегда ослепнуть, узрев исходящее от Него сияние.

После этого трое актеров перестали донимать Томаса вопросами. Тоби был готов поверить, что их случайный попутчик и впрямь ангел, свалившийся с неба. Артур настроился скептически. Патрик считал, что юнец немного не в себе, очевидно, слишком много ночей провел под недобрым светом полной луны. Но это не имело значения.

Мальчишка охотно играл свою роль и выглядел почти как настоящая девчонка. Он оказался куда более способным актером, чем тот, которого они волей судьбы потеряли, Эндрю из Крессинга, нашедший свою удачу. Эндрю, да благословит его Господь, далеко не лучший исполнитель женских ролей, то и дело спотыкался или сбивался. Да и игру его в лучшем случае можно считать сносной. Томас, напротив, оказался настоящей находкой, даже исполняя роль негодяев или злодеев. Он – прирожденный актер, даже лучше (придется признать это) их предводителя, самого Патрика.

Глава 7

Гриндель и Блодвин

На следующее утро Эндрю честно двинулся в путь, с мечом на поясе, по лесу, скованному инеем. Беовульф радостно бежал рядом, изредка задерживаясь, чтобы сунуть нос в кроличьи норы или кротовины, казавшиеся ему интересными. На полпути через поле неожиданно, откуда ни возмись, выскочил заяц и, петляя, рванулся к оврагу вдали. Беовульф кинулся следом, из-под лап охотника и предполагаемой добычи поднимались снежные облачка, ярко блестящие в солнечном свете. Больше Эндрю в то утро свою собаку не видел. Пес был безгранично счастлив, что вернулся его молодой хозяин, но имелись и более важные дела, которые нельзя откладывать. Одно из них – улепетывающий заяц.

Мир ярко сиял под рассветными лучами миллионами крошечных кристаллов. Под ногами Эндрю похрустывала мерзлая трава. Белая пыль инея превращалась в капли воды, затем – в легкую дымку. Эндрю замерз. Старая кольчуга, которую он надел, пролежала без дела всю ночь, впитывая холод. Под нее юноша нацепил только кожаную куртку. Тепло было только голове, потому что он догадался надеть шерстяную шапку вместо своего шлема. Глаза отчаянно слезились, дыхание морозными облачками парило перед ним.

– Надо было ехать верхом, – произнес он, обращаясь к самому себе. – Быстрее бы добрался.

Но он знал, что тогда пришлось бы привязать Чародея у кромки леса, поскольку деревья росли слишком густо, конь бы там не прошел, ветви исцарапали бы ему ноги и бока. А лошадь, оставленная у леса, привлекает хищников или разбойников.

Его радовало только одно обстоятельство. Сейчас светло.

Шел Месяц крови, одиннадцатый из старого календаря, в котором год состоял из тринадцати месяцев, в эти дни надлежало резать лишний скот перед наступлением зимы. Бычки, козы, свиньи и овцы попадали под нож. Старый лунный календарь не был забыт крестьянами и фермерами, поскольку в нем содержалось слишком уж много праздников и обычаев. По новому христианскому календарю всерьез жили лишь монахи, благородные, ремесленники да купцы, жители же деревень накладывали на него старый. Без древних ритуалов побег не взойдут. Без праздников не будет ни плодородия, ни хорошего урожая. Крестьяне и фермеры искренне верили, что, если они будут следовать только христианским обычаям, в страну придет голод.

Словом, на дворе стоял Блотмонат, когда ветер приносил с собой запах крови, и голодные призраки, почуяв его, могли прийти к источнику вони, чтобы вдосталь напиться. Выйти за дверь в темное время суток до наступления свят-месяца считалось чистой воды самоубийством. Даже норманнские лорды и их последователи не рисковали высовываться из деревни в ночи вроде этих. Зачем искушать судьбу?

Приблизившись к темному лесу, Эндрю помедлил, но, зная, что задачу необходимо выполнить, заставил себя двинуться дальше. Он вошел в лес по узкой петляющей тропинке, выложенной березовыми ветвями, чтобы прикрыть грязь. Вокруг стояли величественные дубы и грабы – могучие деревья с широкими душами. Эльфы и гномы, без сомнения, наблюдают за ним, так что лучше не искать эти странные существа, а попытаться забыть об их существовании. Людей ослепляло серебристое сияние, исходящее от эльфов, которые ростом не ниже самого Эндрю.

Неожиданно из высоких кустов выскочил олень, вспугнутый приближением юноши. Эндрю и сам подскочил от страха, пульс бешено забился в висках: животное появилось уж слишком неожиданно.

– Не делай так! – произнес он, хватая ртом воздух.

К счастью, наконец показалась высокая хижина с покатою крышей, покрытой сырой соломой и мхом. Снаружи грубой лачуги развели огонь, а на треножнике из палок висел котелок, от которого поднимался пар. Эндрю почувствовал запах каши.

– Эй, тут есть кто-нибудь? – позвал Эндрю.

Из-под соломы вывернулась крыса, взбежала наверх, промчалась по коньку крыши и исчезла с другой стороны.

– Ладно, я ухожу, – с облегчением произнес юноша. – Нет здесь никого.

И в этот миг в дверях появился высокий темный мужчина, облаченный в толстый балахон. Хрупкая женщина в потрепанном платье и теплом платке в два раза ниже его ростом, высунувшись из-за спины мужа, уставилась на Эндрю. Они были уже в возрасте, оставив за плечами не меньше пятидесяти зим, правда, не с такими, как у фермеров и крестьян, работающих в полях, морщинистыми лицами.

– Да это же никчемный юнец, – бросил чародей, – с мечом мужчины.

– Это *мой* меч! – выплюнул Эндрю, уязвленный словечком, которое всегда приберегал для него старина Фоггерти.

Глаза женщины неожиданно засияли.

– Это же юный Эндрю! – воскликнула она. – Ты что, не узнаешь собственного крестника, сына по богам, Гриндель?

Она вышла из-за спины чародея, буркнувшего, что он не узнавал даже богов, не говоря уже об их сыновьях.

– Приветствую тебя, Блодвин, – нерешительно произнес Эндрю. – Я пришел поблагодарить тебя за свою удачу.

К его вящему беспокойству, женщина вышла вперед и, обхватив руками голову юноши, поцеловала в виски, сначала с одной стороны, потом с другой. Эндрю невольно испугался, что там останутся такие же ожоги, как на лодыжке. Когда Блодвин отпустила его, «крестник» поспешил отойти подальше.

– Что, нежности старухи не так радуют, как поцелуи хорошенькой девицы, а? – хихикнула она.

Эндрю покраснел.

– Что ты знаешь об Анжелике де Соннак?! – вскричал он.

Блодвин снова рассмеялась:

– Только то, что ты мне сейчас сам рассказал. Анжелика де Соннак? Похоже, она из благородного рода. Дочь дворянина, вне всякого сомнения. Наш никчемный юнец высоко метит, а, Гриндель? А о какой удаче ты говоришь? Дай-ка угадаю, ты наконец сумел укокошить юного Гарольда? Жаль, что в прошлый раз не повезло. Эта незадача стала источником бесконечного сожаления для людей вроде нас с Гринделем. Гарольд превращается в беспокойного задиристого парня, который хочет сжечь нас с мужем на костре за чародейство.

– Нет, дело не в Гарольде, Блодвин, а во мне. – Эндрю гордо выпятил грудь. – Я теперь оруженосец и, возможно, однажды стану рыцарем.

По лицу Гринделя пробежала тень улыбки.

– Значит, ты получил послание, а?

– От двоих мертвецов?

По лицу чародея нельзя было понять, знал ли он уже эту новость или нет.

– Я благодарю вас обоих. Что же до чародейства, ты ведь действительно обращаешься к черной магии, верно, Блодвин?

– Хм, немного того, немного сего. Но мы ведь делаем и немало добра с помощью трав и целительных составов, поэтому тамплиеры и оберегают нас столько лет. Мы залечиваем их раны и прогоняем хвори. Однажды кто-нибудь скажет, что *все* наши дары от дьявола. И тогда

сюда сбегутся крестьяне с вилами и факелами и сожгут нас на костре. Гарольд об этом позаботится. А теперь позавтракай с нами, мальчик, каши у нас нынче в избытке.

Эндрю покосился на котелок и нахмурился.

– А это... *нормальная* каша?

Он знал, что Блодвин иногда подсовывает в похлебку копытень и угощает ею гостей. А от отца Ноттиджа Эндрю услышал, что эта трава – сильное очищающее средство, которое слабит внутренности.

На его вопрос ответил Гриндель:

– Нет, в этом котелке нет никакого зелья и магии. Обычная еда, глупый недоросток. Она укрепит тебя и сделает сильнее. Каша Блодвин почти такая же густая, как глина, ее приходится разрезать ножом и есть, как горячий пирог. Можешь намазать свою часть медом и маслом. Садись, мальчик, вон на то полено. Оруженосец, значит? До рыцаря осталось совсем немного. Однажды ты въедешь в Крессинг с гербом на щите и в шлеме с плюмажем. Может, зайдешь в дом и позавтракаешь там?

Эндрю вспомнил, как он в первый и последний раз рискнул заглянуть в их жилище. В ноздри тогда ударила едкая вонь безымянного зелья и полусгнивших компонентов снадобий. С покрытых сажей балок на внутренней стороне крыши свисали жуткие предметы, увидев которые он вздрогнул. Он не мог сказать, что именно увидел, но кошмаров ему потом хватило. В тот раз Эндрю опозорился перед хозяевами – его стошнило прямо на пол, а потом он кинулся наружу, преодолевая головокружение, чтобы глотнуть свежего воздуха. У юноши не было не малейшего желания повторять предыдущий плачевный опыт.

– Я бы предпочел остаться здесь, если вам это угодно.

Эндрю присел на покрытое инеем полено и вскоре получил поднос с куском каши Блодвин. Она казалась розоватой, и юноше тут же пришло в голову, что в ней кровь. Он взглянул на крестную, и та, словно прочитав его мысли, произнесла:

– Дикие ягоды. Не кровь.

– О... да, я так и подумал.

– В самом деле?

Съев кашу, вполне обычную по вкусу, Эндрю задал вопрос, который его давно тревожил.

– Те двое неупокойников сказали, что есть одна тайна, связанная со мной.

Блодвин тут же подняла на него глаза:

– Тайна?

– Да, и мне показалось, эта тайна касается меня лично, но они не стали мне рассказывать, в чем она заключается.

Гриндель и Блодвин обменялись выразительными взглядами.

– Что до этого, – наконец ответила женщина, – я не знаю ни о какой тайне, которая касалась бы тебя одного.

У Эндрю появилось неприятное ощущение, что Блодвин лжет, но он не рискнул обвинить ее в этом. В гневе эта женщина была грозной и пугающей. Даже ее возмущение внушало страх. А с магией шутить не стоит. По канавам скакали жабы, некогда бывшие уважаемыми жителями городов и деревень. Попадались крысы, гонявшиеся за лесными феями, потому что, будучи проклятыми, не могли принимать иную пищу. Не стоит лишний раз сердить жену чародея, даже если она твоя крестная.

Когда Эндрю попрощался и ушел, Гриндель крикнул ему вслед:

– И не забудь помолиться старым богам, тем, что в Верхнем мире над нами!

Обернувшись, юноша произнес:

– Мы ведь больше не должны им молиться, ты и сам знаешь это.

– Чушь. С чего ты взял, что этот новый бог – правильный? Как, по-твоему, он управляется с целым миром без помощников? Это лишено всякого смысла. Думаю, ему немного одиноко в своем Верхнем мире.

– Он там не живет. Он... он повсюду.

– Значит, крупный мужчина, а? Или просто юркий?

Эндрю знал, что спорить с Гринделем на эту тему бесполезно, и не стал отвечать.

Нанеся визит странной чете, Эндрю быстрым шагом направился прочь по лесу и спустился вниз по склону холма к деревне. Его путь лежал мимо кладбища, где появились два новых могильных камня, один за низенькой сухой оградой, другой поодаль от нее. Наверняка убийца и его жертва, извлеченные из земли и похороненные вновь. С отрезанными головами, положенными между ног, чтобы больше не вылезали и не бродили по миру. Скорее всего, за стеной находилась могила убийцы, поскольку преступников не хоронили в освященной земле.

Приблизившись к двум огромным амбарам, юноша увидел, что его поджидает Гарольд вместе со своими друзьями. Он всегда был крупнее Эндрю, и сейчас юный оруженосец видел, как играют мышцы на руках неприятеля. Отец Гарольда – вольный крестьянин, владевший большим наделом в несколько хайдов² и, соответственно, пользовавшийся немалым уважением в деревне. Но в любом случае Эндрю не смог бы просто по своей прихоти убить крестьянина – поднялся бы жуткий переполох. Его недруги поднимали с земли крупные камни, но нельзя давать им понять, что он испытывает страх. Эндрю, расправив плечи, решительно направился к ним, положив руку на рукоять меча. Заметив это, несколько юнцов с сомнением переглянулись.

– Тебе не запугать нас своим оружием! – крикнул Гарольд. – Ты все равно не умеешь им пользоваться!

Эндрю опроверг это заявление, мгновенно вытащив меч из ножен с металлическим звоном и продемонстрировав несколько быстрых выпадов, которым обучил его старина Фоггерти. Стало очевидно, сын кузнеца *знает*, как пользоваться оружием, более того, владеет им весьма неплохо. Гарольд был захвачен врасплох. Эндрю убрал меч, не отрывая взгляда от настырного юнца.

Он сразу понял, что с Гарольдом нужно говорить, не обращая внимания на остальных.

– Прочь с моей дороги, невежа. Я оруженосец сэра Гондемара и отлучался по его поручению. Если преградишь мне путь, я поражу тебя мечом.

– Лучше сделай, как он говорит, – прошептал сын одного из крестьян Гарольду на ухо. – Я и впрямь слышал, будто он стал оруженосцем.

Но тот не обратил на эти слова ни малейшего внимания.

– Я имею право на месть. Ты угодил в меня камнем до того, как сбежал. Это мое право!

– Так брось камень, – отозвался Эндрю.

Гарольд поднял правую руку и, прицелившись, изо всех сил швырнул снаряд в голову противника. Эндрю с легкостью отбил его рукой, обтянутой кольчужой. Камень ударил его по локтю и отлетел в сторону над правым плечом.

– У тебя был шанс отомстить, а теперь уйди с дороги, – велел оруженосец, – или я отрублю тебе руку.

– Но ведь камень не попал тебе в голову! – раздраженно бросил Гарольд.

Эндрю улыбнулся.

– Разве моя вина в том, что ты никудышный стрелок?

Другие мальчишки расхохотались, еще больше разозлив Гарольда. Тот густо покраснел и выплюнул:

– Однажды, Эндрю, сын кузнеца, я побью тебя так, что живого места не останется.

– Однажды, Гарольд, сын крестьянина, как на горе свистнет.

² Хайд – мера земельной площади, приблизительно равна ста акрам.

С этими словами юноша двинулся вперед через толпу юношей, отпихнув Гарольда с дороги плечом. Со стороны деревни к собравшимся подошли двое других оруженосцев сэра Гондемара, Гарет и Джон. Они намеренно преградили Эндрю дорогу, и первый скучающим тоном процедил:

– Возникли какие-то проблемы, оруженосец Эндрю? Помощь нужна?

Услышав это, остальные парни охотно расступились, не проявляя ни малейшего желания поддержать Гарольда. Похоже, Эндрю, сын кузнеца, теперь для них недосыгаем. Он стал оруженосцем рыцаря, членом общины тамплиеров, а они так и остались простыми деревенскими мальчишками. Стало ясно, Гарольду придется отказаться от вражды с Эндрю или действовать на свой страх и риск. Они еще помнили времена, когда задирали и обижали «ведьминоного выкорышша», и теперь надеялись, что он забыл или по меньшей мере простил им былую жестокость. Те же, кто приложил руки к тому, чтобы бросить Эндрю в пруд или реку, а то и швырнуть в него камень, теперь сожалели о своих действиях и погрузились в размышления о том, как бы половчее переложить вину на других.

– Нет, благодарю, оруженосец Гарет, – полагаю, эти невежи теперь разойдутся по своим делам.

Самому же Эндрю больше всего на свете хотелось быстрее оказаться в доме своих родителей и сделать что-нибудь со своим локтем. Рука горела от боли. Он чувствовал, как наливется синяк в том месте, куда угодил камень. Да, кольчуга спасла его от перелома, но не от дикой боли. Гарольд был далеко не слабак, и если уж швырялся камнями, то изо всех сил. Эндрю не хотелось проявлять слабость перед своим недругом, поэтому он сохранил бесстрастное выражение лица, хотя ему больше всего хотелось в тот момент выть от боли, приплясывая на месте. Теперь юноша, не мешкая, отправился искать свою мать, которая превосходно умела лечить синяки, порезы и другие детские повреждения.

Когда юноша добрался до своей комнаты, за ним тут же послал сэр Гондемар. Похоже, рыцарь пребывал в дурном расположении духа. Он нахмурился, когда Эндрю вошел в зал.

– Ты пропустил отъезд своего наставника, – бросил сэр Гондемар. – Разве не пристало воспитанному человеку проститься с тем, кто учил его?

Эндрю был опечален услышанным.

– Старина Фоггерти уехал?

– Сегодня рано утром. За тобой посылали, но в комнате оруженосцев тебя не обнаружили.

Эндрю склонил голову:

– Прошу простить меня, сэр, я был в доме родителей. Я давно не видел их.

Сэр Гондемар посуровел еще больше:

– Там тебя тоже не нашли, мальчик. Где ты был?

Эндрю, неожиданно вспомнив кое-что, резко поднял голову.

– Ах да! Сегодня рано утром... Погода казалась приятной, ударил морозец. И я отправился на прогулку в лес на холм над деревней со своей гончей.

Сэр Гондемар на мгновение растерял свою суровость, стоило ему услышать слово «гончая».

– С какой целью?

Инстинкт подсказывал юноше, что лучше будет не упоминать о чародее и его жене.

– Сэр, я... я выгуливал Беовульфа. Так зовут моего пса.

Сэр Гондемар окинул Эндрю пристальным взглядом.

Затем, к немалому облегчению молодого оруженосца, рыцарь медленно кивнул.

– Стоящая причина для ранней прогулки. Мои борзые, – произнес он, указывая на собак, лежавших на полу у камина у него за спиной, – нуждаются в частых тренировках. Отныне ты будешь выводить их в лес дважды в день.

– Разумеется, сэр. Я сделаю, как вы приказываете.

– И в придачу к этому все твои дела отныне будут ограничены этими стенами.

– Милорд?

– Я не желаю, чтобы ты вновь посещал своих родителей. Ты стал моим оруженосцем. Я должен думать о своей репутации и достоинстве. Или ты считаешь, мне по нраву, когда мои оруженосцы водят дружбу с жалким кузнецом и его семьей, посещая их деревенскую лачугу после заката солнца? Это не останется незамеченным. Я не желаю принимать насмешки своих собратьев.

Убитый вид Эндрю, по всей видимости, затронул сердце рыцаря, спрятанное очень и очень глубоко.

– Взбодрись, мальчик, вскоре ты в любом случае отправишься в Утремер. В ближайшем будущем мы двинемся на Святую землю. Твоя семья не сможет отправиться туда вместе с нами, верно? Можешь отводить коней к кузнецу, когда это необходимо. Это будет твоей обязанностью. Можешь видеть отца, пока тот работает, но только тогда. Если же ты выйдешь в деревню по другому поручению, тебе запрещается демонстрировать знаки приязни и отвечать на приветствия. Ты понял меня?

– Да, сэр, – тихо, почти шепотом отозвался Эндрю.

Отречься от родителей и сестер! Ходить мимо них, не поздоровавшись и даже не помахав! Это будет очень нелегко. Разумеется, они все поймут. Его отец и мать далеко не глупы. Более того, они, скорее всего, даже не подойдут к нему, если юноша не повернется и не начнет разговор первым. Его родители знали свое место и понимали, что оно куда ниже нынешнего положения их сына. Разумеется, кузнечное дело – почетное ремесло, уважаемое в любом селе. Его отец к тому же сервиент, и это весьма почетное звание ему дали тамплиеры, чаще всех обеспечивающие его работой. Но, несмотря на это, кузнец не принадлежит к слугам тамплиера, остается простым деревенщиной, по своему положению гораздо ниже не только самого рыцаря, но и всех его слуг. Эндрю придется научиться не обращать внимания на то, что родители живут совсем близко – рукой подать.

– И есть еще кое-что серьезнее, мальчик.

Эндрю вновь превратился в слух, внимательно глядя на своего господина и хозяина.

– Сэр? – Его голос прозвучал надтреснуто и слабо.

– Это прозвище, которым тебя здесь называют, – ведьмин выкормыш... Откуда оно взялось?

– Это... это ничего серьезного, милорд.

– Напротив, серьезно. Ведьмы – злые создания, порождения самого дьявола. – Сэр Гондемар невольно содрогнулся. – Твою мать считают ведьмой?

– Мою мать?! – быстро ответил Эндрю. – Нет, сэр, не ее. Говорят, что мать родила меня по дороге к деревне, в полях. Был студеной зимний день. Она звала на помощь, и появилась жена чародея, которая живет... – внезапно сообразив, что лучше не упоминать про лес, в котором он «прогуливался» сегодня утром, Эндрю поспешно нашел замену: – Э-э... на краю луга Этельред. Она пришла и помогла моей маме. Вот и все. В деревне есть парни, которые меня ненавидят, потому что меня выбрали мальчиком Хорки. Они сочиняют разные истории, подпитывая свою зависть, сэр.

– Эта жена чародея... Так она была повитухой у твоей матери?

– По чистой случайности. Она помогла мне появиться на свет и сразу ушла. Это пустяк, милорд.

– Появление на свет – это не *пустяк*. Я видел, как женщины рожают в полях, переживая немыслимые страдания и муки. Не могу сказать, что мне нравится эта связь, мальчик. Напротив, она мне совершенно не нравится. Однако друг просил меня взять тебя в оруженосцы, и я это сделаю во имя наших с ним добрых отношений. Ты спас жизнь его дочери, а это храбрый поступок, особенно в реке, все время меняющей направление своих вод и их глубину. Поэтому

придется вытравить даже воспоминания об этом прозвище. Которые из твоих товарищей наиболее часто его используют?

Эндрю упомянул имена своих злейших врагов, включая Гарольда, сына мясника.

– Я пошлю к ним своих людей. Этого оскорбления больше никто не услышит на улицах. В общем, отныне, если мне придется решать еще хоть одну проблему, связанную с тобой, мальчик, значительную или нет, я прогоню тебя прочь. Слышишь меня? Никакого общения с родителями. Никакого колдовства и чародейства. Ты уже причинил мне больше хлопот, чем двое других оруженосцев, вместе взятых. Ты будешь вести себя как следует – примерно и образцово, – иначе отправишься домой. Понятно?

– Да, сэр. Прошу простить меня, милорд.

– А теперь отправляйся гулять с собаками.

Свят-месяц наступил и миновал вместе с Новым годом.

Эндрю пришлось терпеть бесконечную боль, вызванную невозможностью поговорить с родителями и сестрами. Однако он обнаружил, что не заблуждался на их счет. По их лицам ясно читалось понимание ситуации, сочувствие. Они знали, почему Эндрю даже не смотрит в их сторону, и сами, в свою очередь, не пытались ни поговорить с ним, ни окликнуть при случайной встрече. Зато Эндрю по-прежнему был волен общаться с отцом Ноттиджем и не раз передавал через доброго монаха весточки своим родным. Помимо этого, святой отец рассказывал своему юному другу о других делах.

– Твой хозяин, сэр Гондемар, грозитя привести чародея и его жену на суд, – сообщил отец Ноттидж Эндрю, когда они вместе сидели на скамье, с видом на сад и фонтан. – Говорит, хочет сжечь их на костре за колдовство.

– Что?! – воскликнул Эндрю, вскочив с места. – Они же никому не причиняют зла!

– Но они связались с дьяволом, Эндрю.

Юный оруженосец не смог ничего на это возразить.

– Но... но ведь они действительно никому не причинили вреда.

– Полагаю, здесь ты прав. Не тревожься, сэр Гондемар, скорее всего, никогда не выполнит свою угрозу. Он слишком боится колдовства. И приходит в ужас от одной мысли, что они проклянут его перед смертью.

– Но почему тогда он им угрожает?

– Надеется, они соберут свои пожитки, уйдут в другую часть страны и больше не будут ему докучать.

– Но ведь они этого не сделают, ты и сам это знаешь.

Отец Ноттидж кивнул.

– Эндрю, ты должен держаться подальше от этих людей. Иначе все те прозвища, которые ты получил при рождении, вернутся, а теперь, когда ты стал взрослым юношей, принесут тебе куда больше вреда и опасностей.

– Я знаю это.

– Вот и хорошо.

Пришла весна, и деревенские мальчишки теперь помогали родителям в полях, на мельнице, при забое скота или выполняли другие поручения. Гарет, Джон и Эндрю провели долгие зимние месяцы в безделье. Зима – неподходящее время для рыцаря, чтобы ездить по округе. Он сидит перед жарким очагом, ожидая, когда вернется тепло. Его слуги и последователи поступают так же. Только когда в полях начали распускаться первые цветы, сэр Гондемар послал двоих своих оруженосцев на север, в Йорк, в качестве охранников обоза с зерном. Для этой миссии были избраны Эндрю и Гарет.

Оба юноши были изрядно взбудоражены предстоящей поездкой – первое серьезное поручение Эндрю, и он чувствовал себя взрослым мужчиной, сидя на лошади, идущей рядом с

телегами, которые ему надлежало охранять. «Пусть только попробуют ограбить наш обоз! – говорил он себе. – Им придется ответить за это перед Эндрю из Крессинга!» Он испытывал гордость за свою доблесть, пусть еще и не проверенную на деле. Вот так раздуваться от самомнения и тщеславия – привилегия юности, и в особенности неопытной юности. Гарет вел себя точно так же. Они оба походили на двух задиристых кочетков среди старых петухов, оба уверенные, что знают все на свете и превосходят всех прочих бойцов, которых когда-либо знал этот мир. Они искренне считали, что готовы умереть друг за друга, за своего лорда и свое королевство.

Путь их каравана пролегал через Шервудский лес в графстве Ноттингем. Шервуд славился тем, что в нем часто устраивали засады разбойники, и солдаты и всадники, сопровождающие караван, зорко следили даже за шуршащими кронами деревьев, пронизанных солнечными лучами и тенями. Поначалу двое юношей подпрыгивали при каждом порыве ветра, от которого зловеще скрипели сучья, но через некоторое время немного расслабились и стали куда более дельными охранниками. Усмирив разум и страх, оруженосцы проявляли настоящую бдительность и наблюдательность и были теперь куда лучше готовы к возможной засаде знаменитых разбойников, населяющих этот лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.